

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. П.В. АЛАБИНА

ДРЕВНИЕ ВЕНГРЫ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

САМАРА
2020

Д.А. Сташенков. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. – Самара, 2020: СОИКМ им. П.В. Алабина. – 120 с., илл.

Издание осуществлено на средства Министерства культуры Самарской области в рамках исполнения пункта 2.4. «Организация и проведение мероприятий по вопросам международного и межрегионального культурного сотрудничества» Перечня мероприятий государственной программы Самарской области «Развитие культуры в Самарской области на период до 2021 года».

При подготовке издания использованы материалы, полученные в ходе реализации проекта «Археологическое исследование контактов между Венгрией и Востоком» (Междисциплинарная исследовательская группа по истории и археологии Католического университета им. Петера Пазманы; TUDFO/51757-1/2019/ITM) при поддержке программы Thematic Excellence Министерства национальных исследований, развития и инноваций и при поддержке Программы династии Арпад, проект IV.2.

ISBN 978-5-6045610-9-6

Отв. редактор - А.Ф. Кочкина, зав. отделом археологии СОИКМ им. П.В. Алабина

Рецензент – Л.В. Кузнецова, к.и.н., гл. научн. сотр. СОИКМ им. П.В. Алабина

Среди археологических памятников Самарского Поволжья особое место занимают памятники эпохи раннего средневековья, которые историческая традиция связывает с древними венграми или мадьярами. Самарский участок Волги является одним из самых западных районов Волго-Уралья, где выделена серия разновременных комплексов мадьярского круга. Принципиально важно то, что представлены они не только погребальными памятниками, но и поселениями. Значимость этих материалов выходит далеко за пределы Самарского региона, их используют в своих работах не только российские, но и зарубежные исследователи.

Настоящее издание содержит краткую информацию практически обо всех известных на сегодняшний день выразительных предметах мадьярского круга из археологических фондов Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, Бузулукского краеведческого музея, а также данные о научных исследованиях, свидетельствующих о пребывании древнемадьярских групп на территории Самарского Поволжья.

Издание предназначено для специалистов – историков, археологов, музейных работников, а также для учителей школ, краеведов и всех, интересующихся историей и культурой родного края.

© ГБУК «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 2020.
© Сташенков Д.А., 2020.

ISBN 978-5-6045610-9-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происхождение и формирование ранних венгров (угро-мадьяр) до сих пор остается актуальным научным вопросом. В последние годы археологические и палеогенетические исследования дали новые замечательные результаты. Подтверждением этому является и данная монография Дмитрия Алексеевича Сташенкова, не только ведущего специалиста по древневенгерской проблематике, но и человека, многими нитями привязанного к Венгрии.

Самарское Поволжье сыграло важную роль в истории ранних венгров. Происходящий из этого региона археологический материал эпохи раннего средневековья содержит многие уральские и камские элементы, а также элементы юго-западно-сибирского происхождения, которые являются выдающимися с точки зрения венгерской проблематики.

Как мы сейчас знаем, ранние венгры жили здесь до начала IX века, до тех пор, пока часть из них не перебралась через Волгу. В конце своего переселения в 895 г. венгры оказались в Карпатском бассейне, где остались надолго.

Именно в Поволжье в XIII веке были обнаружены следы оставшихся на востоке венгров.

Автор, стремясь к полноте, обобщает эти археологические следы и представляет читателю богато иллюстрированную работу. Его внимание также привлекают бывшие соседи ранних венгров, среди которых особое место занимает население, проживавшее на Самарской Луке и своим происхождением связанное с Хазарским Каганатом. Отношения с ними могут объяснить и исторический контекст древнетюркских языковых заимствований в венгерском языке.

В заключение отмечу, что проделана чрезвычайно важная работа, которая может принести большую пользу всем, кто интересуется раннесредневековой историей Восточной Европы и венгерского народа.

Я сердечно рекомендую эту книгу всем уважаемым читателям и желаю содержательного погружения в чтение!

д-р Аттила Тюрк,
археолог, адъюнкт-профессор.
Католический университет
им. Петера Пазманя,
Институт археологии,
Будапешт, Венгрия. 18.12. 2020.

ELŐSZÓ

A magyarság eredete és kialakulásának történeti háttere napjainkban is aktuális tudományos kérdés. A régészeti és archeogenetikai kutatások látványos eredményeket hoztak az utóbbi években. Ennek bizonyítéka Dmitrij Alekszejevics Sztasenkov jelen monográfiája is, aki nemcsak a téma kiváló szakértője, de maga is sok szállal kötődik Magyarországhoz. A szamarai Volga-vidék fontos szerepet játszott a korai magyarok történetében. Az itt feltárt kora középkori régészeti hagyatékban számos uráli és Káma menti, valamint délnyugat-szibériai eredetű elem fordul elő, amelyek magyar szempontból jelentős. Mai ismereteink szerint a 9. századot megelőzően itt éltek a korai magyarok, azt megelőzően, hogy egy részük átkelt a Volgán és vándorlásuk végén 895-ben letelepedett a Kárpát-medencében. Ugyanakkor a keleten maradt magyarok (13. század) nyomait szintén sikerült kimutatni. A szerző teljességre törekedve foglalja össze ezeket a régészeti nyomokat és egy gazdagon illusztrált munkát nyújt az Olvasónak. Áttekintése kitér a korai magyarok egykori szomszédaira is, melyek közül különösen a szamarai Volga-könyökben egykor élt kazáriai eredetű népesség fontos. A velük kialakított kapcsolatok magyarázatot nyújthatnak a magyar nyelvet ért ótörök nyelvi hatás történeti környezetére is. Összefoglalóan elmondhatjuk, hogy kiemelkedően fontos munka született, melyet nagy haszonnal forgathat mindenki, aki érdeklődik Kelet-Európa és a magyarság kora középkori története iránt. Sok szeretettel ajánlom minden kedves Olvasó figyelmébe és tartalmas elmélyülést kívánok!

Türk Attila, PhD régész, adjunktus
Pázmány Péter Katolikus Egyetem
Régészettudományi Intézet.
Budapest, 18.12. 2020.

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Первые письменные свидетельства о народах, живших в степной и лесостепной зонах Среднего Поволжья, относятся к X столетию. И только в одном из них - книге Ахмеда Ибн Фадлана о путешествии на Волгу в 921-922 гг. мы найдем упоминания о Самарском регионе. Ибн Фадлан не только перечислил крупные реки Самарского региона – Иргиз, Самару, Кинель, Сок, Кондурчу, Черемшан, но и подробно рассказал о том, что эти земли к востоку от Волги были заняты кочевым населением – аль-Башгирд (Ковалевский, 1956). Большинство современных исследователей отождествляет его с венграми, или мадьярами (Тюрк, 2007).

Для того, чтобы разобраться, о ком именно писал Ибн Фадлан, необходимо изучить археологические материалы, полученные в результате многолетних исследований в Самарском Поволжье. Археологических находок IX–X вв., которые можно было бы связать с кочевниками, встретившимися Ибн Фадлану, в регионе не очень много. Видимо, и население, проживавшее на левобережье Волги, было не очень многочисленным.

EARLY MEDIEVAL PERIOD IN THE SAMARA VOLGA REGION

The first written evidence of the peoples who lived in the steppe and forest-steppe zones of the Middle Volga region dates back to the 10th century. And only in one of them - the book by Ahmed Ibn Fadlan about the journey to the Volga in 921-922 we find references to the Samara region. Ibn Fadlan not only listed the major rivers of the Samara region (Irgiz, Samara, Kinel, Sok, Kondurcha, Cheremshan), but also detailed that the lands east of the Volga were occupied by the nomadic Al-Bashgird population (Kovalevsky, 1956). Most modern researchers identify them with the Hungarians, or Magyars (Türk, 2007).

It is necessary to understand who exactly Ibn Fadlan wrote about. For this purpose, it is necessary to study the archaeological materials obtained as a result of many years of research in the Samara Volga region. There are not many archeological finds of the ninth-tenth centuries in the region, which could be associated with the nomads that Ibn Fadlan encountered. Apparently, the population that lived on the left bank of the Volga was not so numerous either.

*Новинковский I курганный могильник.
Нивелировка курганной насыпи перед началом раскопок.*

В предшествующий период плотно заселенной была территория Самарской Луки. Археологам известны поселения именьковской культуры IV-VII вв. н.э. и погребальные памятники новинковского типа, датирующиеся концом VII-VIII в.

Памятники именьковской культуры, связываемые с праславянскими племенами, распространены на обширной территории Волго-Камья.

Курганные и курганно-грунтовые могильники новинковского типа составляют отдельную группу памятников. У них нет прямых аналогий среди известных памятников не только Поволжского региона, но и всей евразийской зоны. Материалы археологических исследований свидетельствуют о том, что население, оставившее более 30 известных в настоящее время курганных и курганно-грунтовых могильников на Самарской Луке, представляло собой конгломерат различных этнокультурных групп, проживавших на территории Хазарского каганата. Судя по наличию богатого набора предметов вооружения в мужских захоронениях (сабли, боевые топоры и копья, сложносоставные луки и наборы стрел), значительную часть новинковского населения состав-

In the previous period the territory of Samarskaya Luka was densely populated. Archaeologists know settlements of the Imenkov culture of the IV-VII centuries AD and burial sites of Novinki type dating from the end of the VII-VIII centuries.

The archaeological sites of the Imenkovo culture, associated with the pre-Slavic tribes, are widespread in the vast territory of the Volga-Kama region.

Bural mound and ground burial cemeteries of Novinki type constitute a separate group of archaeological sites. They have no direct analogies among the known archaeological sites of the Volga region, as well as the whole Eurasian zone. The materials of the archeological investigations testify that the population which left more than 30 currently known kurgan and kurgan-grave burials on Samarskaya Luka was a conglomerate of various ethno-cultural groups which had lived on the territory of Khazar Kaganate. According to the presence of a rich set of weapons in the men's burials (sabers, battle axes and spears, compound bows and arrow sets) a considerable part of the Novinki population were professional warriors. The appearance of paramilitary groups in the region

Новинковский I курганный могильник. Начало раскопок. 1999 г.

ляли профессиональные воины. Появление военизированных групп в регионе не было случайностью. Вероятно, оно обусловлено целенаправленной политикой по освоению пограничных территорий на северных рубежах Хазарского каганата.

После открытия расположенного в северо-западной части Самарской Луки Жигулевского археологического комплекса, состоящего из селища и грунтового биригального могильника, количество имеющихся источников увеличилось. Культурно и, вероятно, этнически население, оставившее захоронения Жигулевского могильника, отличалось от новинковских групп. Обитатели располагавшегося Жигулевского селища вели оседлый образ жизни и занимались металлургией и металлообработкой, а также сельским хозяйством. Это означает, что характер хозяйственной деятельности населения Самарского Поволжья в хазарскую эпоху, традиционно характеризовавшегося как кочевое скотоводство, был более разнообразным.

was not accidental. Most likely, it was caused by a targeted policy of reclaiming the frontier territories on the northern borders of the Khazar Kaganate.

After the discovery of the Zhigulevsk archaeological complex located in the northwestern part of Samarskaya Luka, which consists of a settlement and an unpaved birithual burial ground, the number of available sources has increased. Culturally and probably ethnically the population which left Zhigulevsk burial ground were different from Novinki groups. The inhabitants of the Zhigulevo cemetery were sedentary and practiced metallurgy and metalworking, as well as agriculture. This means that the character of the economic activity of the population of the Samara Volga region in the Khazar epoch was more diverse, although traditionally characterized as nomadic cattle breeding.

Жигулевское селище. Разбивка раскопа. 2014 г.

ПАМЯТНИКИ МАДЬЯРСКОГО КРУГА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Найти археологические подтверждения сведениям письменных источников о том, что в Среднем Поволжье располагались кочевья древних венгров, долгое время не удавалось. Только после обнаружения и раскопок Танкеевского и Больше-Тиганского могильников на территории современного Татарстана стало возможным выделение комплексов последней четверти I тыс. н.э., которые были отнесены к мадьярскому кругу (Халикова, 1972; 1976). Исследователи опирались на сходство значимых признаков погребального обряда и материальной культуры могильников Поволжья с характерными чертами кочевнических захоронений эпохи обретения Родины на территории современной Венгрии. В качестве мадьярских исследователями рассматривались следующие признаки: расположение костей коня в сложенном состоянии в ногах погребенного, наличие лицевых покрытий, поясных наборов с «узелковым» бордюром и декором в виде трилистника; наличие женских серег с удлиненной литой или составной многобусинной подвеской (Халикова, 1975).

Нужно отметить, что, если строго следо-

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE MAGYAR CIRCLE IN THE MIDDLE VOLGA REGION

It was difficult for a long time to find archeological confirmations to the information of written sources that the nomads of ancient Hungarians were located in the Middle Volga region. Only after discovering and excavating the Tankeevka and Bolshe-Tigany cemeteries on the territory of modern Tatarstan, it was possible to identify the complexes of the last quarter of the 1st millennium AD, which were attributed to the Magyar circle (Khalikova, 1972; 1976). The researchers relied on the similarity of important features of funeral rites and material culture of the Volga region burials with the typical features of nomadic burials from the Age of Discovery on the territory of modern Hungary. The researchers considered the following features to be Magyar: the arrangement of horse bones in a folded state in the buried person's legs, the presence of face coverings, belt sets with a "knotty" border and trefoil decoration, female earrings with an elongated cast or composite multi-bead pendant (Khalikova, 1975).

It should be noted that if we strictly follow

Окрестности с. Марычевка. 2020 г.

вать предложенным критериям, то количество выделенных на территории Евразии к настоящему времени различными исследователями «магьярских» комплексов значительно уменьшится. Из числа «магьярских» придется исключить основную массу захоронений, в которых представлены только некоторые из перечисленных элементов, и тем более выпадают из числа анализируемых комплексов случайные находки. Детальный анализ проблемных вопросов в изучении магьярской проблематики дал киевский исследователь А.В. Комар, в фундаментальных работах которого заметное место занимает историографический обзор (Комар, 2011; 2018).

Еще более сложная ситуация с комплексами более раннего времени, VI-VII вв. Учитывая тот факт, что происхождение части населения, оставившего Больше-Тиганский и Танкеевский могильники, исследователи связывали с кушнаренковской и караякуповской культурами, имеется возможность предположить для материалов этого круга угорскую принадлежность (Матвеева, 1975. С.21-22; Иванов, 1999. С.16). По мнению ряда археологов и лингвистов, истоки памятников кушнаренковской и караякуповской культур уходят к древностям бакальского историко-культурного горизонта IV-VI вв. (Боталов, 2012. С.145) и саргатской археоло-

the proposed criteria, the number of "Magyar" complexes identified in Eurasia by different researchers will significantly decrease. From the number of the "Magyar" complexes we have to exclude the main mass of burials which contain only some of the above mentioned elements, and the more so accidental finds are excluded from the number of the analyzed complexes. A detailed analysis of the problematic issues in the study of Magyar problems was given by the Kiev researcher A.V. Komar, in whose fundamental works the historiographical review takes a significant place (Komar, 2011; 2018).

The situation is even more complicated with the complexes of the earlier time, VI-VII centuries. Considering that the origin of a part of the population, who left Bolshe-Tigany and Tankeevka burials, was connected by researchers with Kushnarenkovo and Karakupovo cultures, it is possible to assume for materials of this circle the Ugrian origin (Matveeva, 1975. p.21-22; Ivanov, 1999. p.16). According to a number of archaeologists and linguists, the origins of Kushnarenkovo and Karayakupovo sites belong to the antiquities of Bakalskaya culture of the 4th-6th centuries (Botalov, 2012. (Botalov, 2012, p. 145) and the Sargatskaya archaeological culture (6th century BC - 4th century AD). Retrospectively this layer of archaeological sites also correlates with

Вид на Пролетарское городище. 2010 г.

гической культуры (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Ретроспективно этот пласт памятников также соотносится с древними уграми (Матвеева Н.П., 2000. С.302-303). Однако гипотеза об угорской принадлежности кушнаренковской и караякуповской, а тем более хронологически предшествующих им бакальской и саргатской культур на сегодняшний день разделяется не всеми исследователями.

Точку в дискуссии о происхождении древнеугорских культур можно будет поставить только после проведения кропотливой работы по сравнительному анализу материалов различных культурно-хронологических групп, начатой уфимским исследователем В.А. Ивановым еще в 1990-х гг. для комплексов кушнаренковской и караякуповской культур (Иванов, 1999). Для продолжения этой работы необходима подробная публикация материалов исследования крупных памятников, в первую очередь, поселенческих, с детальной обработкой массового керамического материала из памятников мадьярского круга, проведенной по единой методике.

Необходимо также максимально подробное представление археологических материалов, полученных при работах в разных регионах. Задача настоящего издания - дать представление о разновременных памятниках мадьярского круга, выявленных в Самарском Поволжье.

ancient Ugrian (Matveeva N.P., 2000. P.302-303). However the hypothesis about ugrian belonging of Kushnarenkovo and Karajakupovo and moreover chronologically preceding to them Bakalskaya and Sargatskaya cultures for today is divided not by all researchers.

The discussion about the origin of the ancient Ugrian cultures can be finished only after a painstaking comparative analysis of the materials of different cultural and chronological groups. It was started by the Ufa researcher V.A. Ivanov already in the 1990s for the Kushnarenkovo and Karayakupov culture complexes (Ivanov, 1999). To continue this work it is necessary to publish detailed materials on researches of large sites, first of all, settlements with detailed processing of mass ceramic material from archaeological sites of Magyar circle, carried out by a unified methodology.

It is also necessary to present archaeological materials obtained during the works in different regions in as much detail as possible. The task of the present publication is to give an idea of the archaeological sites of the Magyar Circle discovered in the Samara Region.

Вид с площадки Пролетарского городища. 2010 г.

ПРОЛЕТАРСКОЕ ГОРОДИЩЕ
И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ
МНОГОСЛОЙНЫХ ПАМЯТНИКОВ

В Поволжье в эпоху раннего средневековья происходили сложные этнокультурные процессы, связанные с регулярными миграциями различных групп населения из степных и лесостепных районов Евразии. Наиболее яркое отражение они нашли в материалах Пролетарского городища, изучавшегося экспедицией СОИМК им. П.В. Алабина в 1995-2010 гг. на севере Самарской области. При исследовании городища были выделены материалы различных археологических культур: саргатской, бакальской, кушнаренковской, караякуповской, именинковой, киевской, салтово-маяцкой и неволинской. Среди людей, в разное время обитавших на городище, были представители раннеславянских, угорских и тюркоязычных групп. Древности мадьярского круга представлены в слоях, которые отложились в широкий временной промежуток с рубежа IV–V вв. до конца IX столетия.

PROLETARIAN SETTLEMENT
AND THE PROBLEM OF DATING
MULTILAYER ARCHAEOLOGICAL
SITES

During the Early Middle Ages, complex ethno-cultural processes took place in the Volga Region, connected with regular migrations of various population groups from the steppe and forest-steppe regions of Eurasia. The most striking reflection of these processes is in the records of Proletary fortified settlement, which was studied by the expedition of the Samara Regional Museum named after P.V. Alabin in the north of the Samara Region in 1995-2010. The study of the settlement included materials of different archaeological cultures: Sargatskaya, Bakalskaya, Kushnarenkovo, Karayakupovo, Imenkovo, Kiev, Saltovo-Mayak and Nevolino. At different times, there were representatives of early Slavic, Ugrian and Turkic-speaking groups at the settlement. Antiquities of Magyar circle are represented in the layers, which were deposited in a wide time period from the turn of the IV-V centuries to the end of the IX century.

Пролетарское городище. Начало раскопок. 2009 г.

Изучение этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье затрудняется недостаточной исследованностью раннесредневековых поселений в Волго-Уральском и Западносибирском регионах, отсутствием убедительной хронологии этапов эволюции основного керамического комплекса саргатской, бакальской, кушнаренковской и караякуповской культур. Проблема усугубляется тем, что культурный слой памятников, представляющих собой преимущественно сезонные стоянки, имеет небольшую мощность и зачастую перемешан. «Закрытых комплексов» (например, материалов из одного погребения, совершенного в культурном слое поселения) и «условно закрытых комплексов» (находок из одного сооружения - жилища или хозяйственной ямы, в заполнение которого часть материала теоретически могла попасть и позднее) при раскопках поселений мадьярского круга в Самарском регионе обнаружено пока совсем немного.

Немногочисленные находки вещей, имеющих узкую датировку, не дают возможности определить точные хронологические рамки выделенных культурных горизонтов.

The study of the ethno-cultural situation in the Samara Volga region is complicated by insufficient research of the early medieval settlements in the Volga-Ural and West Siberian regions, as well as by the absence of convincing chronology of the evolution stages of the main ceramic complex of Sargatskaya, Bakalskaya, Kushnarenkovo and Karayakupovo cultures. The problem is compounded by the fact that the cultural layer of the archaeological sites, representing mostly seasonal camps, is thin and often intermixed. "Closed complexes" (for example, materials from one burial made in the cultural layer of the settlement) and "conditionally closed complexes" (finds from one structure - a dwelling or a household pit, in the filling of which some material could theoretically get later) during archaeological excavations of settlements of Magyar circle in the Samara region are still quite rare.

The few finds of narrowly dated items do not allow us to determine the exact chronological framework of the selected cultural horizons.

*Пролетарское городище. Фрагмент лепного сосуда. Глина.
СОИКМ. ПГ - 2009/24*

ИСХОДНЫЕ РАЙОНЫ МИГРАЦИИ МАДЬЯРСКИХ ПЛЕМЕН В ПОВОЛЖЬЕ

Археологические материалы свидетельствуют как минимум о трех этапах освоения Поволжья мадьярскими группами:

1. IV–V вв. н.э. Материалы этого времени представлены на Пролетарском городище в бассейне реки Большой Черемшан, на севере Самарского Поволжья. На поселении исследована постройка каркасно-столбовой конструкции, находящая ближайшие аналогии в материалах саргатской культуры. Керамический комплекс представлен круглодонной лепной керамикой с примесью дробленой раковины в составе формовочной массы, орнаментированной по шейке и краю венчика, находящей близкие параллели в комплексах саргатского и бакальского круга. Датировать выделенный комплекс IV–V вв. позволяют индивидуальные находки – две бронзовые ременные пряжки с хоботковидным язычком, наконечник ремня и трехлопастные черешковые наконечники стрел.

2. Вторая половина VI–VIII в. Этап маркируется находками керамики кушнаренковско-караякуповского круга на Пролетарском городище и Карлинском селище на Самарской Луке. Керамический комплекс представлен тонкостенной круглодонной лепной керамикой с примесью мелкого шамота в составе формовочной массы, орнаментированной

ORIGINAL AREAS OF MIGRATION MAGYAR TRIBES IN THE VOLGA REGION

Archaeological materials testify to at least three stages of mastering of the Volga region by Magyar groups:

1. IV–V centuries AD. Materials of this time are presented on the Proletary settlement in the basin of the Bolshoi Cheremshan River, in the north of the Samara Volga region. The construction of a framework-pillar structure, which finds closest similarities in the materials of the Sargatskaya culture, was investigated at the settlement. The ceramic complex is represented by round-bottom moulded ceramics with an admixture of crushed shells in the moulding mass, ornamented on the neck and the edge of the corolla, finding close parallels in the complexes of Sargatsky and Bakalskaya circle. The individual finds - two bronze belt buckles with a trunk-like tongue, a belt tip and three-lobed petiolate arrowheads - allow us to date the selected complex to the IV–V centuries.

2. The second half of VI–VIII c. The stage is marked by finds of ceramics of Kushnarenkovo-Karayakupovo circle on Proletariy settlement and Karlinskoye settlement on Samarskaya Luka. The ceramic complex is represented by thin-walled round-bottom moulded ceramics with an admixture of fine chamotte in the molding mass, ornamented with prints of specific stamps on the neck and the edge of the corolla.

1-2. Пряжка. Наконечник ремня. Бронза.
Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/11-12

отпечатками специфических штампов по шейке и краю венчика. Вероятно, к этому же или несколько более позднему времени могут относиться находки на Пролетарском городище, селище Власть Труда и на памятниках Самарской Луки керамики неволинской культуры (Багаутдинов, Никитина, 2013; Лифанов, 2005), в которой исследователи также выделяют угорский компонент. Влияние населения, оставившего памятники неволинской культуры, прослежено и в материалах Жигулевского грунтового могильника на Самарской Луке, исследование которого еще не закончено (Сташенко, 2014).

3. IX – начало X в. Этап выделяется на основе материалов из погребальных комплексов, выявленных в бассейне рек Самара и Сок, случайных находок и поселенческих материалов (Пролетарское городище, селище Власть Труда). С учетом находок начала XX в. зафиксировано уже более десятка погребальных комплексов IX в., не связанных с новинковским и праболгарским кругом древностей, что позволяет говорить не об эпизодическом появлении кочевников мадыарского круга в регионе, а о его регулярном пребывании в Среднем Поволжье.

Probably, to the same or later time could belong the finds on Proletarian settlement, Vlast Truda settlement and on various Samarskaya Luka archaeological sites. These are the ceramics of the Nevolino culture (Bagautdinov, Nikitina, 2013; Lifanov, 2005) in which the researchers also distinguish the Ugrian component. The influence of the population that left the archaeological sites of the Nevolin culture can be traced in the materials of Zhigulevsk burial ground on Samarskaya Luka, the research of which has not been completed yet (Stashenkov, 2014).

3. The IX-beginning of the X c. The stage is distinguished on the basis of materials from the burial complexes revealed in the basin of the rivers Samara and Sok and occasional finds and settlement materials on Proletary fortified settlement and the village of Vlast Truda. Taking into account the finds of the beginning of the 20th century, more than a dozen burial complexes of the 9th century have already been fixed, not connected with Novinki and Pro-Bulgarian circle of antiquities. This allows us to speak not about episodic appearance of the nomads of the Magyar circle in the region, but about their regular stay in the Middle Volga region.

*Пролетарское городище. Остатки постройки каркасно-столбовой конструкции.
Раскопки 2009 г.*

Что касается исходных районов миграции родственных мадярам племен в Поволжье, то для памятников первого этапа таким районом, предположительно, может являться Западная Сибирь и Зауралье; для второго этапа – территория современного Башкортостана; для третьего этапа – районы Прикамья и Приуралья.

Выявление материалов различных хронологических периодов в бассейнах рек Самара, Сок, Большой Черемшан, на южной кромке лесостепной зоны позволяют не только связать их со сложившимися путями миграций зауральского и западносибирского подвижного населения, но и предположить, что территория Самарского Поволжья входила в зону традиционных кочевых маршрутов племен мадярского круга в середине – второй половине I тыс. н.э. Вероятно, в богатых пищевыми ресурсами пойменных участках рек Самары, Кинеля, Сока и Большого Черемшана находились наиболее ценные для кочевого населения летние пастбищные угодья. Не случайно позднее, в XVI–XVII вв. кочевники упорно стремились сохранить за собой именно эти земли, что было зафиксировано в официальных документах русского правительства.

As for the source regions of the migration of the Magyar-related tribes to the Volga region, for the archaeological sites of the first stage it could be Western Siberia and Trans-Ural; for the second stage it could be the territory of modern Bashkortostan; for the third stage it could be the regions of the Kama and the Urals.

Detection of materials from various chronological periods in basins of the rivers Samara, Sok, Big Cheremshan and on a southern edge of forest-steppe zone allow to connect them with the established ways of migrations Trans-Ural and the West Siberian mobile population and to assume, that the territory of Samara Volga region was in a zone of traditional nomadic routes of the Magyar tribes circle in middle - second half I millenium A.D. Probably the most valuable summer pastures for the nomadic population were located in the floodplains of the Samara, Kinel, Soka and Bolshoi Cheremshan rivers that were rich in food resources. It is not by chance that later, in the XVI-XVII centuries, the nomads stubbornly sought to retain these very lands, which was recorded in the official documents of the Russian government.

Вид на Пролетарское городище. 2009 г.

КОНТАКТЫ КОЧЕВНИКОВ
МАДЬЯРСКОГО КРУГА
С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
ДРУГИХ КУЛЬТУР

THE CONTACTS OF THE
MADYAR CIRCLE'S NOMADS WITH
REPRESENTATIVES OF OTHER
CULTURES

В настоящее время мы можем обозначить направление возможных контактов населения мадьярского круга в различные хронологические периоды.

Керамика саргатского и бакальского облика могла быть оставлена населением, оказавшемся в Поволжье в составе гуннских отрядов в IV–V вв. Это население должно было контактировать с позднесарматскими кочевническими группами, а также с населением, оставившим памятники киевского круга и ранние памятники именьковской культуры. Однако достоверных свидетельств о характере их взаимоотношений в материалах Пролетарского городища, на котором встречены все известные на сегодняшний день материалы этой группы, не обнаружено.

В VI–VII вв. население, пользовавшееся керамикой кушнаренковско-караякуповского круга, определенно контактировало с населением именьковской культуры, в составе которого предполагается наличие славянской основы. Кушнаренковская керамика встречается совместно с именьковской в одних горизонтах. Данных о контактах этого населения в VIII в. с населением, оставившим памятники новинковского круга на Самарской Луке, не имеется.

At this point we can outline the direction of possible contacts of the population of the Magyar circle in different chronological periods.

Sargatskaya and Bakalskaya ceramics could have been left by the population that appeared in the Volga region as part of the Hunnish detachments in the IV–V centuries. This population must have been in contact with the Late Sarmatian nomadic groups as well as with the population that left archaeological sites of the Kiev circle and early archaeological sites of the Imenkovo culture. We have not yet found any reliable evidence about the nature of their relations in the materials of the Proletary ancient settlement, where all the currently known materials of this group are found.

In VI–VII centuries the population that used ceramics of Kushnarenkovo-Karakupovo circle has definitely contacted with the population of Imenkovo culture in which the presence of Slavic basis is supposed. Kushnarenkovo pottery was found together with Imenkovo pottery in the same horizons. There is no data about contacts of this population in VIII century with the population that left archaeological sites of Novinki circle in Samarskaya Luka.

Пролетарское городище. Развал части каменного жернова
хазарской эпохи. 2009 г.

Население, которое в IX–X вв. использовало пастбищные угодья в бассейне реки Самары и ее притоков, должно было контактировать с населением салтово-маяцкой культуры и с раннеславянскими группами, о чем свидетельствуют материалы раскопок. На основании полученных при раскопках селища Власть Труда и Пролетарского городища находок можно сделать вывод о существовании культурных групп, связанных с салтово-маяцкой и неволинской культурами. Однако характер возможного регулярного взаимодействия оставившего их населения на археологических материалах пока не определен.

Результаты археологических исследований в Самарском Поволжье позволяют уточнить юго-западные границы Magna Hungaria. Очевидно, что на протяжении длительного времени с IV по X вв. территория Самарского Поволжья входила в зону традиционных кочевых маршрутов населения мадьярского круга.

После миграции основной части мадьярского населения на Запад и прихода печенегов в IX в. небольшие оставшиеся группы кочевого населения мадьярского круга вновь занимают ранее освоенные территории, которые с течением времени отодвигаются к северу.

The population, which in the IX-X centuries used the pastures in the basin of the Samara River and its tributaries, must have been in contact with the population of the Saltovo-Mayak culture and with the early Slavic groups. This is testified by the materials of the excavations. Based on the finds from the excavations of the Vlast Truda settlement and Proletary settlement, we can conclude about the coexistence of cultural groups related to the Saltovo-Mayak and Nevolino cultures. However, the nature of the possible regular interaction of the population that left them on the archaeological materials has not yet been identified.

The results of the archaeological investigations in the Samara Volga region allow to specify the southwestern borders of Magna Hungaria. Obviously, for a long time from the 4th to 10th centuries the territory of Samara Volga was a part of the traditional nomadic routes of the Magyar Circle population.

After the migration of the main part of the Magyar population to the West and the arrival of the Pechenegs in the 9th century, small remaining groups of the nomadic population of the Magyar circle again occupied previously developed territories. With the passage of time they moved to the north.

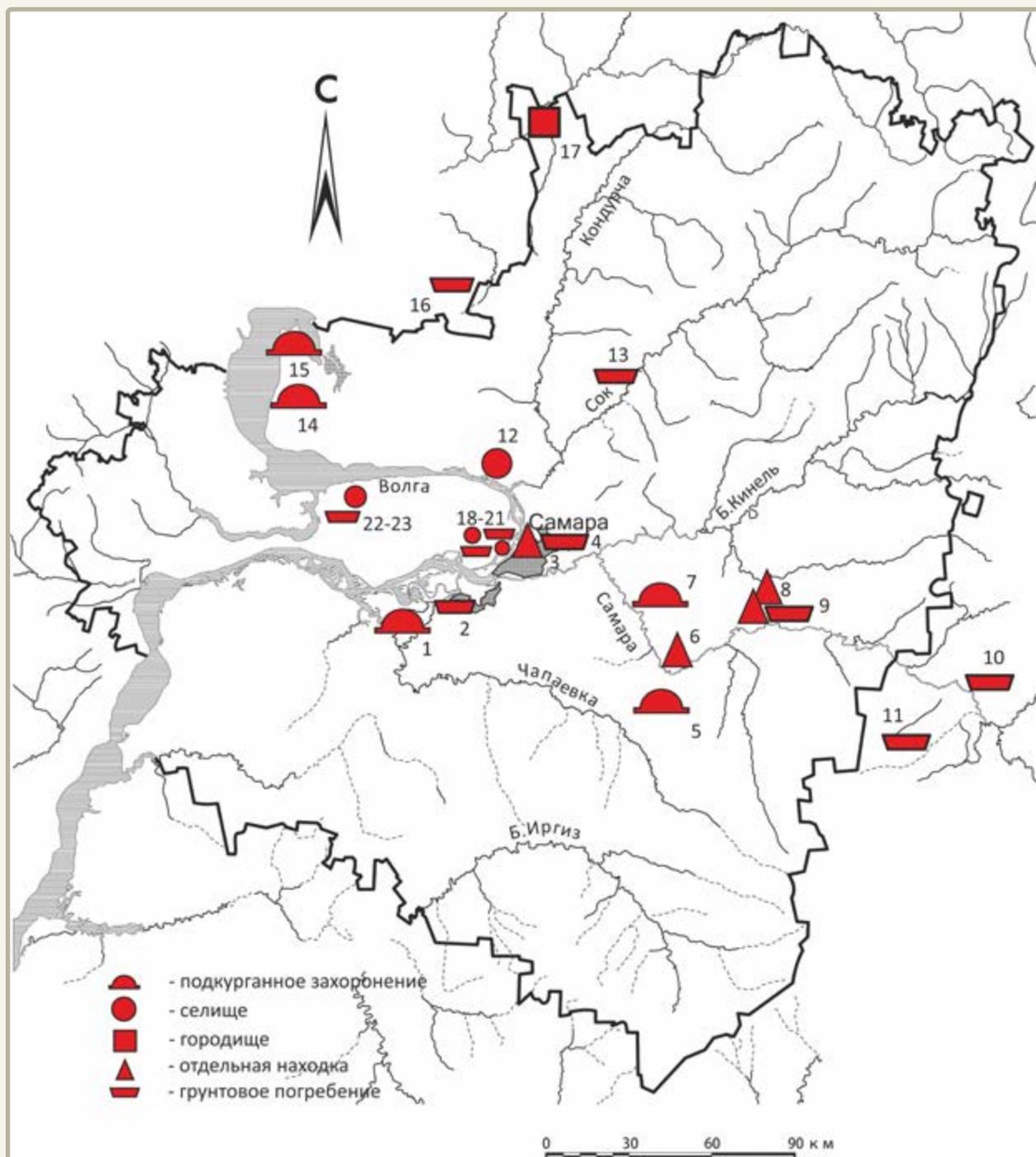
3. Подвеска. Бронза.
Пролетарское городище.
СОИКМ. ПГ - 2009/13

Этапы переселения древних венгров на Дунай (по: Комар, 2018. Рис.108).

Dentumoger или Dentü-Mogyer - легендарная родина венгров до их завоевания Карпатского бассейна около 895 года; Ателькүза и Леведия - исторические области расселения древневенгерской конфедерации племён во время их миграции из неизвестной прародины в Паннонию.

Карта материалов мадьярского круга и близких к ним по хронологии кочевнических комплексов на территории Самарского Поволжья

(на карте не указаны памятники новинковского типа).

1 - Воскресенское погребение; 2 - погребение на 116 км г. Самары; 3 - находка серьги в Студеном овраге; 4 - погребения на 23-24 км г. Самары; 5 - погребения в курганном могильнике Просвет; 6 - находки на дюне «Человечья голова»; 7 - погребение 6 кургана 2 курганного могильника Бобровка I; 8 - погребения у разъезда Немчанка; 9 - находки у с. Марычевка; 10 - Палимовское погребение; 11 - Ромашкинское погребение; 12 - селище Власть Труда I; 13 - Лебяжинское погребение; 14 - погребения у п/л Золотая Нива; 15 - Хрящевское погребение; 16 - Черемшанский могильник; 17 - Пролетарское городище; 18- селище Ош-Пандо-Нерь II; 19 - Шелехметский грунтовый могильник; 20 - Карлинское I селище; 21 - погребение у с. Подгоры; 22 - Жигулевский II грунтовый могильник; 23 - Жигулевское селище.

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛОВ МАДЬЯРСКОГО КРУГА В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Первой обратила внимание на материалы мадьярского круга, обнаруженные в Самарском Поволжье, Г.И. Матвеева. Нужно отметить, что в первых публикациях материалов из разрушенных погребений у с. Немчанка в Борском районе Самарской области и на 116 км г. Куйбышева (Самары) Г.И. Матвеева с осторожностью высказывалась по поводу этнической атрибуции новых материалов (Матвеева, 1977; 1978). Однако уже в 1986 г. Галина Ивановна достаточно уверенно заявляла о древневенгерской принадлежности известных погребений (Васильев, Матвеева, 1986).

За прошедшие годы при археологических раскопках и различных земляных и строительных работах в Самарской области были обнаружены новые материалы мадьярского круга. Выявлены они и при изучении коллекций, хранящихся в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина

Памятники, которые можно соотнести с мадьярским кругом древностей (см. карту на с.18), можно разделить на несколько групп:

ПАМЯТНИКИ САРГАТСКОГО И БАКАЛЬСКОГО КРУГА

представлены Пролетарским городищем, которое находится в бассейне реки Большой Черемшан на севере Самарской области. На поселении исследованы постройки каркасно-столбовой конструкции, находящие ближайšie аналогии в материалах саргатской культуры. Керамический комплекс представлен круглодонной лепной керамикой с примесью дробленой раковины в составе формовочной массы, орнаментированной по шейке и краю венчика. Подобная керамика связывается с кочевым и полукочевым населением, пришедшим с территории Западной Сибири. Керамика саргатской культуры на Пролетарском городище может датироваться II-IV вв., керамика бакальской культуры - IV-VI вв. Индивидуальные находки, в первую очередь бронзовые пряжки с хоботковидным язычком, позволяют датировать комплекс IV-V вв. н.э. Вероятно, это население оказалось в Среднем Поволжье в составе гуннских отрядов.

4. Фрагмент лепного сосуда. IV-V вв. Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/34

5. Фрагмент лепного сосуда. IV-V вв.
Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/35

6. Фрагмент лепного сосуда. IV-V вв.
Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/36

*7-8. Фрагменты лепного сосуда. IV-VII вв.
Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/37-38*

*9. Фрагменты лепного сосуда. IV-VII вв.
Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/39*

*10-12. Фрагменты лепных сосудов. IV-VII вв.
Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/40-42*

13. Фрагмент лепного сосуда. IV-VIII вв.
Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/43

14. Фрагмент лепного сосуда. IV-VIII вв.
Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/44

**ПАМЯТНИКИ КУШНАРЕНКОВСКО-
КАРАЯКУПОВСКОГО КРУГА**

Основная масса памятников кушнаренковской и караякуповской культур локализована на территории Башкирии. В Самарском Поволжье серийные материалы кушнаренковско-караякуповского круга встречены при исследовании городища у д. Пролетарий (Сташенков, 1997б). Керамический комплекс представлен тонкостенной круглодонной лепной керамикой

*15-18. Фрагменты лепных сосудов
кушнаренковской культуры.
Вторая пол. VI-VII в.
Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/45-48*

с примесью мелкого шамота в составе формовочной массы, орнаментированной по шейке и краю венчика. Комплекс можно датировать VI-VII вв. н.э.

На левом берегу Волги за все годы раскопок найден только один выразительный фрагмент кушнаренковского сосуда - на расположенном на Самарской Луке Карлинском I селище, относящемся к именьковской культуре IV-VII вв. Керамика караякуповской культуры в Волжском левобережье пока не обнаружена.

Вероятно, в VI-VII вв. Волга служила естественной границей для продвижения мадьярских племен на запад.

*19. Фрагмент орнаментированного сосуда
караякуповской культуры.
Вторая пол. VI-VIII в.
Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/49*

20. Фрагмент орнаментированного сосуда. VIII-IX вв.
Пролетарское городище. СОИКМ. ПГ - 2009/50

ПАМЯТНИКИ МАДЬЯРСКОГО КРУГА IX-X ВВ.

На территории Самарского Поволжья памятники IX-X вв. представлены как погребальными комплексами, выявленными в бассейне реки Самары, так и случайными находками и поселениями - Пролетарским городищем и селищем Власть Труда.

В настоящее время известно более 20 погребений, поселенческих комплексов и мест случайных находок угорского круга, которые датируются IX в. н.э.

Выявленные памятники можно разделить на 6 групп:

1. Отдельные грунтовые захоронения, расположенные на узкой кромке границы степной и лесостепной природно-географических зон в бассейне реки Самара.
2. Отдельные грунтовые захоронения, расположенные в лесостепной природно-географической зоне в бассейне реки Сок.
3. Грунтовые погребения, расположенные на Самарской Луке.
4. Впускные подкурганые захоронения Волжского левобережья.
5. Поселения.
6. Случайные находки предметов.

Окрестности с. Немчанка. 2020 г.

Погребения 1 группы. В эту группу входят грунтовые погребения: Палимовское, Ромашкинское, Немчанские (два погребения), погребение на 116 км г. Куйбышева (Самары), погребения (не менее трех) на 23 км г. Самары. Все эти погребения находятся в бассейне реки Самары, все они были выявлены случайно при осмотре разрушенных комплексов и археологически территория их обнаружения не обследовалась. Все без исключения комплексы сохранились частично и судить о характере выявленных погребений можно только приблизительно. Вероятно, все погребения, за исключением Палимовского, принадлежали взрослым мужчинам.

Мужские погребения объединяются в одну группу по следующим основаниям:

- западная ориентировка погребенных (если ее можно определить со слов находчиков);
- наличие предметов вооружения (сабли «венгерского» типа, наконечники стрел);
- наличие ременного набора;
- наличие предметов конской упряжи и сбруи (удила, стремяна, трензельные кольца, уздечные накладки);
- отсутствие видимых следов курганной насыпи.

Во всех мужских погребениях отсутствует керамика.

Глиняный сосуд зафиксирован только в женском погребении у с. Палимовка, в котором также обнаружены серебряные накладки, стеклянные бусины, бронзовый браслет, перстни, серебряные монеты, использовавшиеся в качестве украшения костюма.

21. Перстень. Серебро, бронза. Погребение у с. Немчанка.
Археологические фонды Самарского университета.
Публикации: Матвеева, 1977

Украшения представлены бронзовыми браслетами и перстнями.

Географически погребения расположены тремя локальными группами и можно предположить их принадлежность к различным семейным коллективам в целом однокультурного населения.

ПОГРЕБЕНИЯ У С. НЕМЧАНКА

В 1975 г. во время разведок, проводившихся отрядом Средневожской археологической экспедиции под руководством Г.И. Матвеевой в Борском районе Самарской области, от жителя с. Немчанка были получены сведения о двух разрушенных погребениях на песчаной дюне у разъезда Немчанка. В них находились фрагменты железной сабли с серебряным навершием, железные наконечники стрел, серебряный перстень с четырьмя лапками и вставкой в виде человеческой личины, а также бронзовые разделительные кольца и серебряные ременные накладки. Вещи из погребения хранятся в музее археологии Среднего Поволжья Самарского университета.

Материал погребений был опубликован Г.И. Матвеевой, которая первоначально датировала находки VIII–IX вв. и отнесла погребения к раннеболгарскому кругу (Матвеева, 1977. С. 52–56). Впоследствии Г.И. Матвеева сопоставила материа-

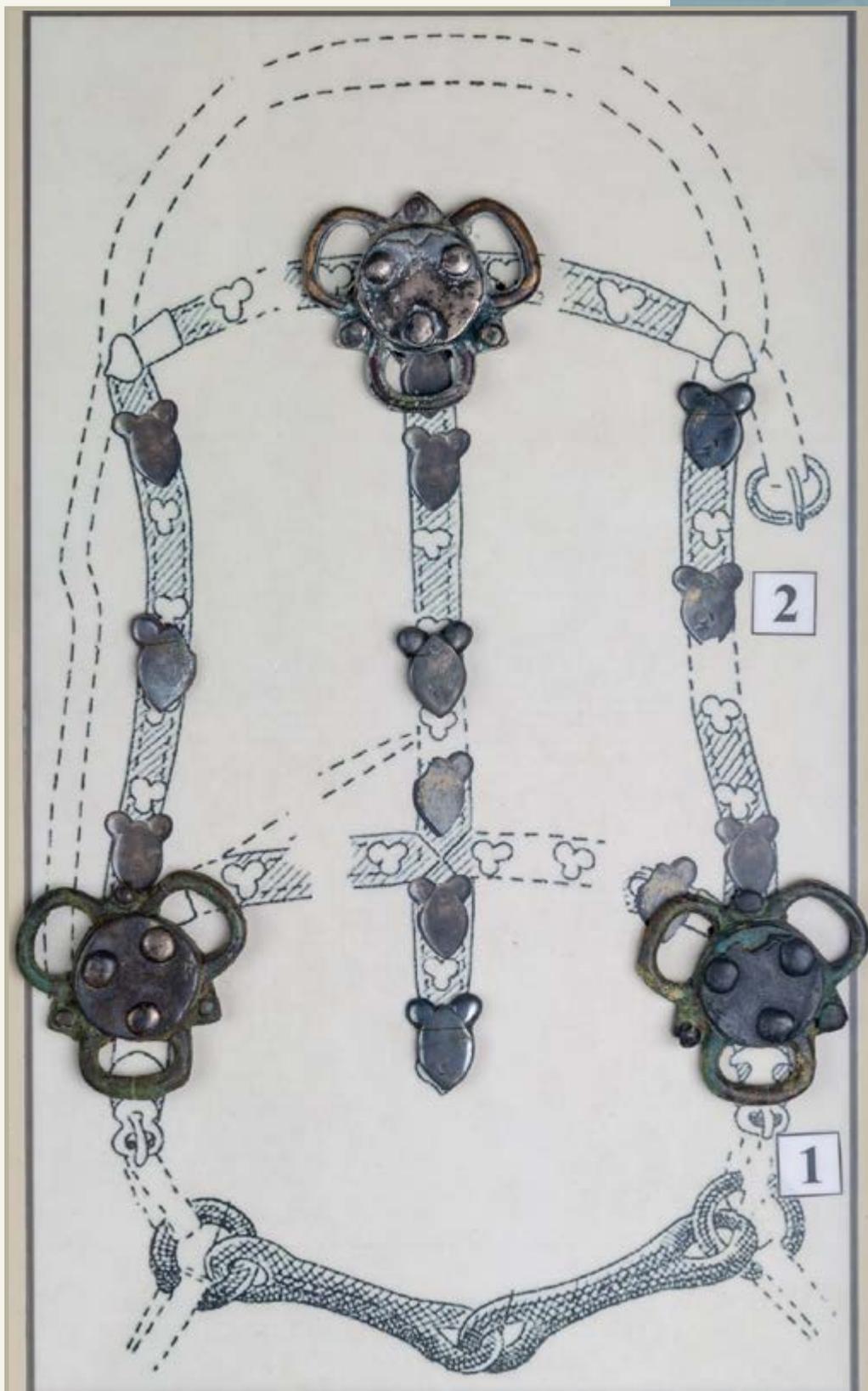
Окрестности с. Немчанка. 2020 г.

лы немчанских погребений с комплексами Больше-Тиганского могильника, раскопанного казанскими археологами в 1974–1980-е гг. и связала их с кушнаренковскими памятниками, имеющими, по ее мнению, венгерские истоки (Васильев, Матвеева, 1986).

В настоящее время атрибуция погребений у разъезда Немчанка как ранневенгерских разделяется большинством археологов.

*22-24. Фрагмент сабли. Наконечники стрел. Железо, серебро.
Погребение у с. Немчанка.
Фрагмент экспозиции музея археологии
Самарского университета.
Публикации: Матвеева, 1977.*

25-31. Элементы конской упряжи. Бронза.
Погребение у с. Немчанка. Реконструкция.
Фрагмент экспозиции музея археологии
Самарского университета.
Публикации: Матвеева, 1977.

ПОГРЕБЕНИЕ НА 116 КМ Г. КУЙБЫШЕВА

В 1968 г. во время строительных работ на 116 км г. Куйбышева было разрушено захоронение, сопровождавшееся выразительным инвентарем (сабля, наконечники стрел, стремя, ременные накладки). Основная часть найденных предметов была передана в Куйбышевский областной краеведческий музей.

Судя по информации находчиков, костяк взрослого мужчины был помещен в могилу в вытянутом на спине положении, головой погребение было ориентировано на запад. Слева от костяка находилась железная сабля, справа – остатки колчана с пятью железными наконечниками стрел. На руку был надет бронзовый дровяной браслет. По словам находчиков, на фалангу безымянного пальца одной руки был надет перстень, однако в музейной коллекции перстень отсутствует. Возможно, за перстень ошибочно была принята ременная накладка. Положение остальных вещей выяснить не удалось.

В 1976 г. материал погребения был опубликован Г.И. Матвеевой. В первой публикации Г.И. Матвеева датировала комплекс второй половиной VIII - первой половиной IX в. и отметила «близость его к кругу раннеболгарских памятников типа Больше-Тарханского могильника» (Матвеева, 1976. С.38). Впоследствии она связала погребение на 116 км с древними венграми.

Место находки «погребения на 116 км».

*32. Сабля. Железо. IX в.
Погребение на 116 км.
СОИКМ КП 18461/1. Арх 249/1.
Публикации: Матвеева, 1976. Рис.1.*

33-39. Ременные накладки, кольцо-разделитель.
Бронза. IX в. Погребение на 116 км.
СОИКМ КП 18461/7-13. Арх 249/7-13.
Публикации: Матвеева, 1976. Рис.2, 8-11, 13; 3, 3.

40. Браслет. Бронза. IX в.
Погребение на 116 км.
СОИКМ КП 18461/14. Арх 249/14.
Публикации: Матвеева, 1976. Рис.2, 7.

41-44. Кольцо, наконечники стрел. Железо. IX в.
Погребение на 116 км.
СОИКМ КП 18461/3-6. Арх 249/3-6.
Публикации: Матвеева, 1976. Рис.2, 4-5; 3, 4.

*45. Стремя. Железо. IX в.
Погребение на 116 км.
СОИКМ КП 18461/2. Арх 249/2.
Публикации: Матвеева, 1976. Рис.3, 1.*

*45. Стремя. Железо. IX в.
Погребение на 116 км.
СОИКМ КП 18461/2. Арх 249/2.
Публикации: Матвеева, 1976. Рис.3, 1.*

ПАЛИМОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

В 1988 г. в Бузулукский городской краеведческий музей (ныне - МБУК города Бузулука «Бузулукский краеведческий музей») поступил комплекс предметов, происходящий из разрушенного погребения у с.Палимовка Бузулукского района Оренбургской области. Материал погребения опубликован (Перепелкин, Сташенков, 1996).

Захоронение, расположенное у края высокого обрывистого берега озера Поповка, было обнаружено на глубине 1 м. Кости человека были плохой сохранности, восстановить положение костяка и расположение вещей в погребении не представляется возможным. В погребении найдены два серебряных аббасидских дирхема (определение монет В.Ю. Морозова), три перстня со вставкой, комплект ременных накладок, бронзовый браслет, стеклянные бусины, лепной сосуд.

46. Дирхем. Серебро.
Предположительно
144 г.х. (761-762 гг. н.э.).
Место чекана не читается.
Диаметр монеты
25 мм. Видимо, она длительное время использовалась в качестве подвески.
Первоначально отверстие для крепления с помощью штифта было сделано в боковой части монеты. Затем, после поломки обоймочки или в связи с изменением характера использования монеты как украшения, рядом было пробито отверстие для ее ношения или нашивки.

46. Дирхем. Аббасиды. Серебро.
144 г.х. (761-762 гг. н.э.). Палимовское погребение.
МБУК города Бузулука «Бузулукский краеведческий музей»
Публикации: Перепелкин, Сташенков, 1996. Рис.2,2

47. Дирхем. Аббасиды. Серебро.
Конец VIII - начало IX в. Палимовское погребение.
МБУК города Бузулука «Бузулукский краеведческий музей».
Публикации: Перепелкин, Сташенков, 1996. Рис.2,3

Три перстня. Все они литые, относятся к типу 1 по классификации С.А.Плетневой (Плетнева, 1989. С.115, рис.61) или типу 12а по классификации Т.Г.Сарачевой (Сарачева, 1994. С.92, рис.6,18). Вставки из полудрагоценных камней или стекла закреплены крестообразно расположенными «лапками». Перстни различаются между собой размером оправы и видом вставки.

48. Перстень. Серебро, стекло. МБУК города Бузулука
"Бузулукский краеведческий музей".
Номер в Госкаталоге: 11683096.
КП-БМ КП 5354.
Публикации: Перепелкин, Сташенков, 1996. Рис.2, 5

47. Дирхем. Монета сильно затерта. Имя правителя и дата не читаются. От надписи осталось «Мадинат...». Вероятная дата чекана - конец VIII - начало IX в. Диаметр монеты 22 мм. Монета использовалась в качестве привески и подвешивалась с помощью обоймочки, закрепленной штифтом.

48. Серебряный перстень, диаметр кольца около 20 мм. Кольцо разломано на части. Вставка - овальная стеклянная светло-желтого цвета, размером 14x11 мм. Этот перстень выглядит менее массивным, чем другие, благодаря меньшей толщине щитка оправы.

49. Бронзовый перстень, диаметр кольца 19 мм. В перстень вставлен красно-фиолетовый камень овальной формы размером 5x7 мм. Лапки, в которые зажат камень, имеют заостренную трехугольную форму. Кончики их загнуты. В месте соединения оправы с кольцом имеется небольшой выступ. Характер изношенности кольца позволяет предположить, что перстень длительное время могли носить на груди в качестве амулета.

49. Перстень. Бронза, камень.
МБУК города Бузулука "Бузулукский краеведческий музей".
Номер в Госкаталоге: 11683097.
КП - БМ КП 5353.
Публикации: Перепелкин, Сташенков, 1996. Рис.2, 4

50. Серебряный перстень, диаметр кольца 21 мм. В перстень вставлен камень коричневого цвета (сердолик?) овальной формы, размерами 16 x 12 мм. Округлые симметрично расположенные лапки-захваты, как и в перстне 48, скорее всего, несут не утилитарную, а декоративную функцию.

50. Перстень. Серебро, камень.
МБУК города Бузулука "Бузулукский краеведческий музей".
Номер в Госкаталоге: 11683098. КП-БМ КП 5352.
Публикации: Перепелкин, Сташенков, 1996. Рис.2, 6

51-57. Накладки. Серебро.

МБУК города Бузулука "Бузулукский краеведческий музей".

Номер в Госкаталоге: 11683101. КП-БМ КП 5350.

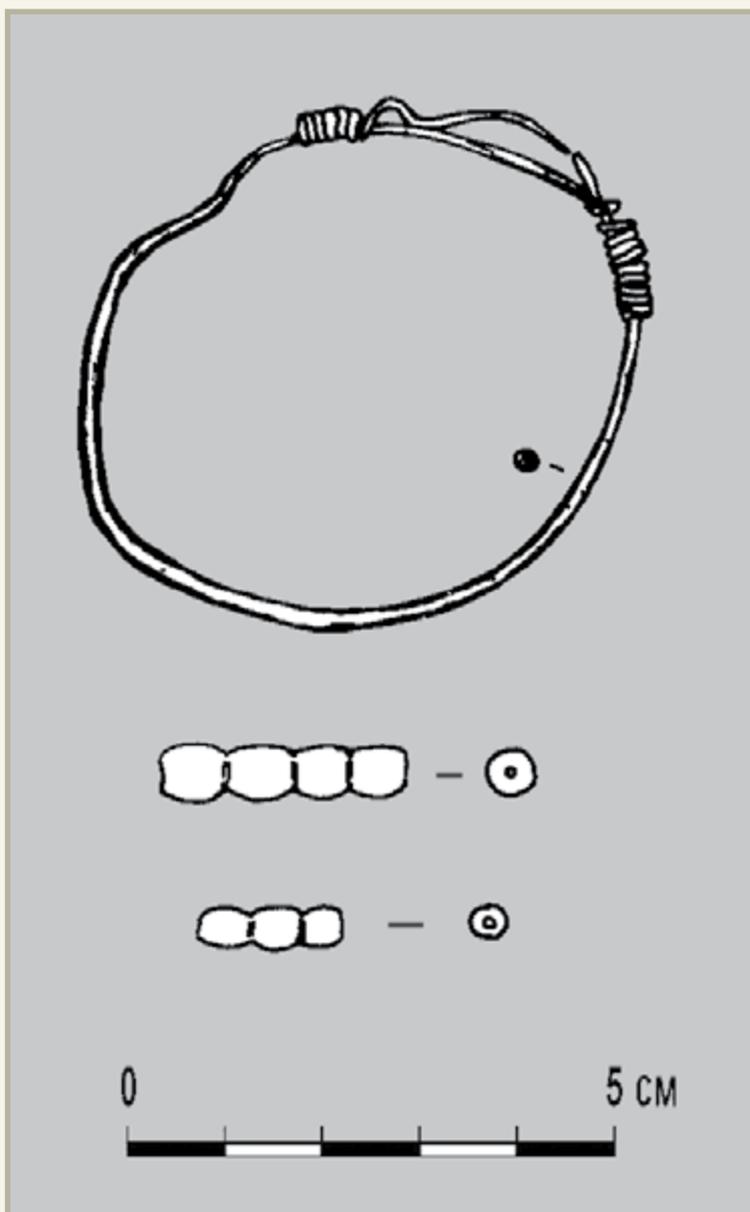
Публикации: Перепелкин, Сташенков, 1996. Рис.2, 10-14

51-57. Семь серебряных накладок сложной формы, вероятно, отлитых в одной литейной форме. На всех этих украшениях прослеживаются следы облоя. Форма накладок одинакова, различаются они разной степенью послелитейной обработки. К основе накладки крепились с помощью двух штифтов. Одна накладка в процессе использования подверглась ремонту, после которого головка штифта крепления оказалась снаружи. Размеры всех накладок одинаковые: 18,5 x 14 мм, толщина - около 1 мм. Центральная часть накладок имеет ромбическую форму (диагонали ромба 13 и 8 мм) со стороной 8 мм. В центр ромба вписана гроздь в виде четырех симметрично расположенных шариков. С двух сторон ромб ограничен выпуклым бордюром, имитирующим цепочку зерни, и цепочкой из 3-х крупных шариков. Судя по размерам штифтов, накладки предназначались для крепления не на кожаном ремешке, а на более тонком материале, возможно, ткани. Весьма вероятно, что накладки являются элементом женского головного убора (шапочки или налобной повязки), подобному встреченным в синхронных памятниках Прикамья и Приуралья (Халикова, Халиков, 2018. Т. VI; Мажитов, 1981, рис.44, 1).

Аналогичные накладки имеются в материалах курганного могильника Уелги в Зауралье.

60. Бусина. Стекло.
МБУК города Бузулука
"Бузулукский
краеведческий музей".
Публикации:
Перепелкин, Сташенков,
1996. Рис.2, 9

58-60. Браслет. Бронза.
Бусы. Стекло.
МБУК города Бузулука
"Бузулукский
краеведческий музей".
Публикации:
Перепелкин, Сташенков,
1996. Рис.2, 1, 8-9.

58. Бронзовый браслет. Браслет диаметром 58 мм изготовлен из круглой проволоки диаметром 2 мм. Края его обвиты тонкой бронзовой проволокой и соединялись с помощью крючка на одном из концов. В одном месте браслет слегка изогнут вовнутрь, возможно, преднамеренно.

59-60. Две стеклянных многочастных бусины желтовато-зеленого цвета. Одна бусина трехчастная длиной 15 мм, диаметром 4 мм. Другая - четырехчастная длиной 25 мм и диаметром 5 мм.

61. Сосуд. Глина. Палимовское погребение.
МБУК города Бузулука "Бузулукский краеведческий музей".
Публикации: Перепелкин, Сташенков, 1996. Рис. 16

61. Круглодонный тонкостенный небольшой сосуд имеет утраты в верхней части. Сосуд лепной, черно-коричневого цвета, хорошо обожженный, черепок в изломе черного цвета, в формовочной массе прослеживается примесь дресвы или мелкого шамота. Поверхность сосуда заглажена, по срезу венчика нанесены насечки.

Носик сосуда имел ойнохойевидный слив, венчик, отогнутый наружу, оформлен в виде трилистника. Тулово имело округлую шаровидную форму, в его средней части имеется небольшое отверстие, возможно, появившееся в процессе использования сосуда. Высота сохранившейся сосуда 9 см, наибольший диаметр тулова 9,5 см, шейки - 5,5 см, венчика - 6,5 см.

Весь комплекс вещей, найденных в погребении у с. Палимовка, позволяет отнести захоронение к IX в.

Наибольшую близость Палимовское погребение обнаруживает с синхронными ему могильниками Прикамья и Приуралья, связываемыми с мадьярским этносом.

РОМАШКИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

По информации В.А. Иванова, в 1964 г. при строительстве плотины в окрестностях с. Ромашкино Курманаевского района Оренбургской области бульдозером было разрушено погребение. Местными школьниками были собраны бусы, пряжки, поясные и уздечные накладки, две абассидские монеты конца VIII в. В 1965 г. при осмотре места погребения Н.А. Мажитовым было обнаружено захоронение четырех ног и черепа коня, лежавшие в куче, слева от костей человека на глубине 65 см (Иванов, 1996. С.194).

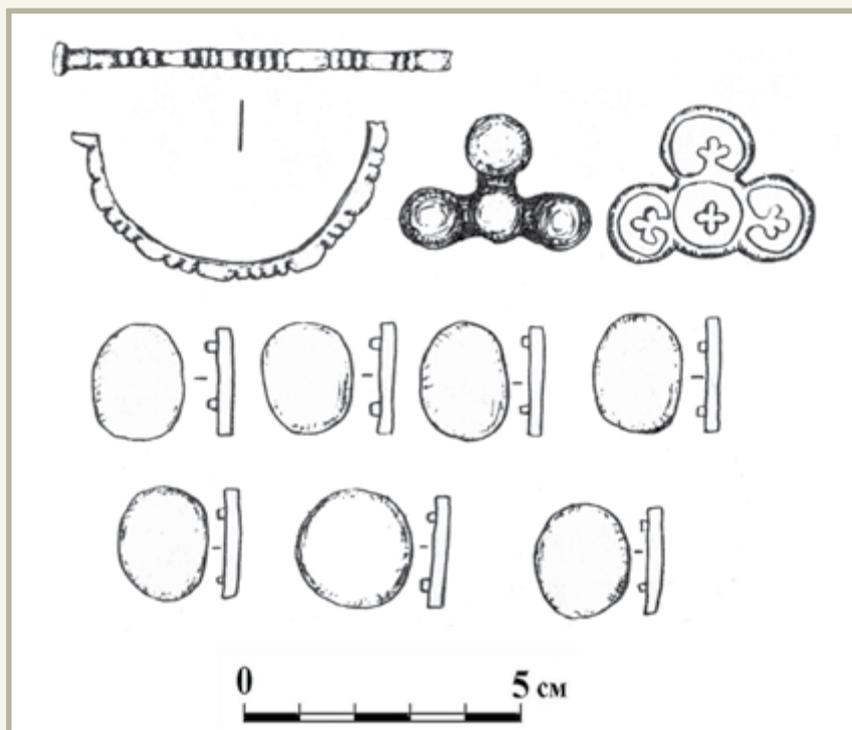
Н.А. Мажитов при публикации материалов погребения упоминает о находках стеклянных бус, бронзового зеркала, фрагментов импортных тканей, ременных накладок, приводит дату одной из монет - 155 г.х. (771-772 гг. н.э.). В публикацию вошли прорисовки шести предметов (Мажитов, 1981. С.124. Рис.64, 1-6).

К тому же кругу древностей, что и Ромашкинское погребение, относятся материалы, собранные на дюне «Человечья голова» у с. Утевка Нефтегорского района учителем К.Я. Даниловым: фрагмент бронзового браслета и накладки сбруйного набора (Васильева, 1979. С.236. Рис.17, 7-9). Вероятно, эти предметы также происходят из разрушенного погребения.

62-67. Пряжка, наконечник ремня, ременные накладки, обойма. Бронза. Ромашкинское погребение. Публикации: Мажитов, 1981. С.124. Рис.64, 1-6.

68-77. Фрагмент браслета, ременные накладки. Бронза. Дюна «Человечья голова». Публикации: Васильева, 1979. С.236. Рис.17, 7-9.

Аналогии накладкам имеются в материалах разрушенного кургана у с. Бабищи Черкасской области, отмеченного А.В. Комаром к числу памятников типа Субботцев, являющихся отражением археологической культуры древних венгров Этелькеза (Комар, 2011. С.56. Рис.2).

ПОГРЕБЕНИЯ НА 23-24 КМ Г. САМАРЫ

В период с 2007 по 2016 гг. в Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина от Поволжского управления Росохранкультуры поступила серия железных предметов, найденных жителями пос. Мехзавод в строительных котлованах на месте строительства торгового комплекса IKEA и жилого района «Кошелев-проект». Точное место находки установить не удалось. Осмотр других строительных котлованов района «Кошелев-проект», проведенный в 2008-2009 гг., результатов не дал.

Судя по поступившим в музей предметам, при масштабных земляных работах было разрушено несколько захоронений эпохи средневековья. Отнести находки к погребальному инвентарю позволяет их состав, а также неподтвержденные сведения о находках человеческих костей и крупных костей животных в районе строительства.

Среди наиболее выразительных находок – сабля «венгерского» типа с грушевидным навершием и перекрестием с шаровидными окончаниями, обоймы сабельных ножен, нож, кресала, наконечники стрел, трензельные удила с прямыми и S-видными псалиями, фрагменты железный изделий кольчужного плетения, детали узды и портупей. Найденные предметы датируются IX в.

Судя по найденным вещам, при строительных работах был разрушен грунтовый могильник, содержащий по крайней мере несколько мужских захоронений. Наличие предметов вооружения (сабли «венгерского» типа, наконечников стрел) и предметов конской упряжи (удил) дает основание говорить о принадлежности погребенных в них мужчин к категории всадников-воинов.

Вероятно, в музей поступили далеко не все находки из строительных котлованов. Переданные предметы являются выборкой из состава обширных погребальных комплексов, но степень их репрезентативности установить невозможно. В музейной коллекции отсутствуют изделия из цветного металла и украшения из стекла и полудрагоценных камней, которые должны были бы находиться в подобных погребениях.

Материал погребений опубликован (Сташенков, 2012; Богачев, Лакоценин, 2016).

78. Фрагменты сабли до реставрации. Железо.
Находки на 23-24 км г. Самары. СОИКМ КП 28902/1. Арх-531/1

78-84. Сабля. Пряжки. Элементы портупейного набора.
Железо.

Находки на 23-24 км г. Самары.
СОИКМ СОИКМ КП 28902/1-3. Арх-531/1-3.
Публикации: Сташенков, 2012.

78. Сабля сохранилась во фрагментарном состоянии. Клинок имеет слабый изгиб. Острие клинка отсутствует, фиксируется старый слом, вероятно, в целях широко распространенной в средневековье обрядовой порчи оружия.

Длина сохранившейся части клинка 57,8 см, максимальная ширина - 2,7 см. Клинок, несколько раз согнутый в древности, состоит из двух частей, сломанных в месте перегиба посередине клинка. Рукоять прямая. Детали обкладок рукояти и ножен отсутствуют.

По классификации Ю.С. Худякова клинок относится к группе II слабоизогнутых сабель. Характерной особенностью этой группы сабель является изгиб полосы в сторону спинки ближе к острию (Худяков, 1980. С.39-50).

Сохранились железные перекрестие и навершие рукояти.

Перекрестье слабоизогнутое, с опущенными вниз концами, завершающимися шаровидными утолщениями и ромбическим расширением по центру. По классификации А.Н. Кирпичникова перекрестье относится к типу I (Кирпичников, 1966. С.68).

Навершие имеет грушевидную форму. Аналогичные по форме навершия сабель (тип II по А.Н. Кирпичникову - 1966. С.68), изготовленные из серебра, встречены в захоронениях Больше-Тиганского могильника и в аланских комплексах Северного Кавказа.

*83-84. Обоймы ножен. Железо.
Находки на 23-24 км г. Самары. СОИКМ.
Публикации: Сташенков, 2012.
СОИКМ КП 28902/2-3. Арх-531/2-3*

Обоймы ножен имеют вид пластинчатых колец размерами 3,9x3,5 см, соединенных заклепками со свободно вращающимися кольцами, в которые продевался ремень портупей.

Нож железный с прямой спинкой и четко выраженным уступом в месте перехода к черенку. Кончик лезвия обломан. Длина сохранившейся части ножа 11,1 см, максимальная ширина лезвия у рукоятки 1,6 см.

85. Нож. Железо.
Находки на 23-24 км г. Самары. СОИКМ.
СОИКМ КП 28902/4. Арх-531/4
Публикации: Сташенков, 2012.

86-88. Наконечники стрел. Железо.
Находки на 23-24 км г. Самары. СОИКМ
КП 28902. Арх-531.
Публикации:
Сташенков, 2012.

86-98. Железные наконечники стрел.

Наиболее распространенная форма наконечников – плоские черешковые лавролистные типа 63 по А.Ф. Медведеву (5 экз.). Наконечники имеют размеры 4,9 x 1,4 см, 7,1 x 1,6 см, 7,5 x 1,3 см, 7,6 x 1,6 см, 8,5 x 1,7 см, 6,9 x 1,3 см.

Четырнадцать плоских черешковых наконечников имеют листовидную или ромбическую форму. Размеры наконечников: 8,1 x 3,2 см; 7,8 x 2,2 см; 6,8 x 2,8 см; 6,4 x 2,0 см; 7,7 x 1,4 см, 6,4 x 1,4 см; 4,2 x 1,1 см; 4,5 x 1,2 см; 6,4 x 1,7 см, 6,1 x 1,8 см, 4,1 x 1,7 см, 3,7 x 1,6 см. Наконечники относятся к типам 40, 47, 63 по классификации А.Ф. Медведева.

Два наконечника плоские черешковые килевидные четырехгранные в сечении (тип 38 по А.Ф. Медведеву) имеют размеры 6,9 x 1,3 см и 7,5 x 1,5 см.

Килевидный узкий трехлопастной черешковый наконечник размерами 8,2 x 1,1 см (№86) относится к типу 18 по А.Ф. Медведеву (Медведев, 1966. С.60).

Плоский черешковый шестиугольный наконечник (тип 35 по А.Ф. Медведеву) имеет размеры 6,9 x 1,3 см.

Крупными размерами (11,7 x 3,1 см) выделяется плоский черешковый наконечник ромбической формы со слабо выраженным упором (№91). Наконечник относится к типу 49 по А.Ф. Медведеву, распространенному в памятниках XIII-XIV вв. (Медведев, 1966. С.69).

Пять черешковых четырехгранных наконечников можно отнести к разряду бронебойных. Их размеры: 6,4 x 1,0 см; 5,2 x 1,4 см; 4,6 x 0,9 см.

К числу бронебойных относится и черешковые шиловидные квадратного и ромбического сечения наконечники без упора типа 93 по А.Ф. Медведеву размерами 7,3x0,5 см и 4,6x0,7 см.

89-93. Наконечники стрел. Железо.

Находки на 23-24 км г. Самары. СОИКМ КП 28902. Арх-531.

Публикации:
Сташенков, 2012.

91-98. Наконечники
стрел. Железо.
Находки на 23-24 км
г. Самары. СОИКМ
КП 28902. Арх-531.
Публикации:
Сташенков, 2012.

Плоский черешковый двурогий срезень с упором (№97) размером 7,3 x 2,9 см относится к типу 60 по А.Ф. Медведеву.

Железный втульчатый трехлопастной наконечник стрелы (№98) имеет размеры 3,1 x 0,7 см.

Наиболее близкие по составу и количеству с происходящими с Самарского региона колчаные наборы встречены в Больше-Тиганском могильнике, в котором преобладают плоские черешковые наконечники в основном ромбовидной или килевидной формы. Встречены там и бронбойные граненые наконечники, и узкие шиловидные ромбического сечения наконечники, двурогий срезень, а также втульчатый железный наконечник ромбической формы (Халикова, 1976. С.173. Рис.4, 14-19; 5, 11-14).

Аналогичные по составу колчаные наборы имеются на Дунае (The ancient Hungarians..., 1996. P.280. Fig.5; P.308). Там же встречены хорошо сохранившиеся железные обкладки колчана, фрагментом которых могли быть и сохранившиеся в комплексе находок с 23 км железные изделия.

99. Фрагмент удил. Железо.
Находки на 23-24 км г. Самары.
СОИКМ КП 28902/15. Арх-531/15
Публикации: Сташенков, 2012.

Железное звено состав-
ных кольчатых удил име-
ет размеры 8,3 x 2,4 см.
Поверхность орнаменти-
рована косыми насечками.

100-104. Удила с S-видными псалями, кольца, пряжка. Железо.
Находки на 23-24 км г. Самары. СОИКМ.
Публикации: Сташенков, Кочкина, 2012.

105. Удила со стержневидными псалями. Железо.
Находки на 23-24 км г. Самары.
СОИКМ КП 28902/16. Арх-531/16.
Публикации: Сташенков, 2012.

105. Железные трензельные удила с прямыми стержневидными псалями, продетыми в одну из петель восьмерковидного окончания грызла. Размеры удил 22,1 x 14,5 см. Петли грызла по отношению друг к другу находятся во взаимно перпендикулярных плоскостях. Боковой щиток псалий имеет два отверстия. Удила относятся к типу I по классификации А.Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1973. С.13-14).

106. Фрагменты цепочек, изделия кольчужного плетения.

Железо.

Находки на 23-24 км г. Самары.

СОИКМ КП 28902/1. Арх-531/1

Публикации: Сташенков, 2012.

Фрагменты железного изделия кольчужного плетения с диаметром кольца до 1 см. Максимальная длина кольчужной цепочки - 11,5 см. Обычно при находках подобных изделий делается предположение о наличии в комплексе кольчуги, но в данном случае говорить об этом не приходится. Не сохранилось ни одного обрывка, в котором бы фиксировалась полоска шириной более 1-2 колец. Возможно, фрагменты цепочки являлись деталью какого-то украшения.

Максимальная длина сохранившегося фрагмента железной цепочки (всего восемь экземпляров) 12,9 см. Звенья цепочки имеют восьмеркообразную форму и максимальную длину 1,6 см.

107-115. Кресала, детали колчана, гвоздь, наконечники стрел.
Железо.

Находки на 23-24 км г. Самары. СОИКМ.
Публикации: Сташенков, 2012.

В целом рассматриваемые материалы являются выборкой из состава обширных погребальных комплексов, но степень их репрезентативности установить невозможно. Все без исключения комплексы дошли до нас в неполном составе, совершенно отсутствуют изделия из цветного металла, которые должны были бы находиться в подобных погребениях, и судить об их характере можно только в самых общих чертах. Наличие предметов вооружения (сабли «венгерского» типа, наконечников стрел) и предметов конской упряжи (удил) дает основание говорить о принадлежности погребенных в них мужчин к категории всадников-воинов.

Дать узкую датировку и этническую интерпретацию публикуемым комплексам сложно из-за отсутствия характерной для эпохи средневековья деталей ременной гарнитуры и украшений костюма. Большая часть предметов находят аналогии как в материалах Больше-Тиганского и Танкеевского могильников на территории современного Татарстана, так и далеко на западе - в комплексах эпохи «обретения родины» на территории Венгрии.

По мнению В.А. Иванова, погребения у разъезда Немчанка, на 116 км г.Куйбышева и Ромашкинское очерчивают "мадьярский путь на Запад" (Иванов, 1995. С.33-35). К сожалению, все они обнаружены случайно, ни одно из этих погребений не подвергалось планомерным археологическим раскопкам и местность вокруг них археологически не исследовалась. Можно предположить, что эти комплексы, расположенные компактно в восточной части Самарской и западной части Оренбургской областей, принадлежали отдельным грунтовым захоронениям и не образуют крупных могильников. Такая ситуация действительно могла возникнуть при быстром продвижении крупной массы людей через чуждую им территорию, куда они не предполагали возвращаться. Однако может быть и другое объяснение: эти погребения могли появиться рядом с кратковременными сезонными стоянками, оставленными небольшими группами кочевого населения.

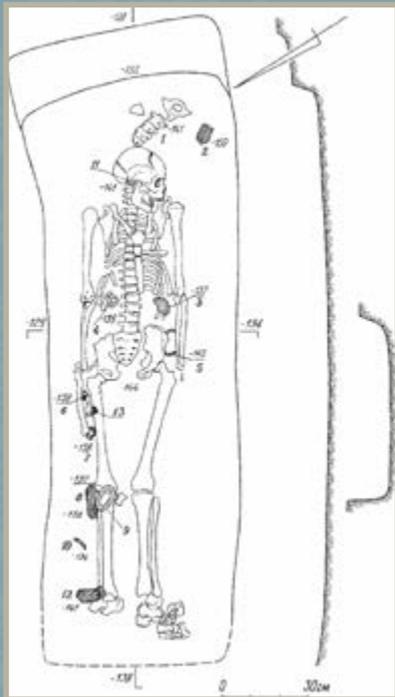
Киевский исследователь А.В. Комар после детального анализа материалов мадьярского круга Волго-Уральского региона пришел к выводу, что «самарская группа памятников в настоящее время выглядит как отражение временного проживания здесь сепаратной группы населения, прямо не связанной ни с группой, оставившей Большетиганский могильник, ни с мигрировавшей на запад субботцевской группой» (Комар, 2018. С.167).

Этот вывод хорошо согласуется с нашими представлениями о длительном проживании мадьярских групп в Самарском Поволжье.

*28-30. Накладки. Бронза. Погребение у с. Немчанка.
Археологические фонды Самарского университета.
Публикации: Матвеева, 1977.*

ОТДЕЛЬНЫЕ ГРУНТОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ,
РАСПОЛОЖЕННЫЕ В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ
В БАССЕЙНЕ РЕКИ СОК

Лебяжинское погребение.
План

Группа пока представлена одним комплексом – грунтовым **Лебяжинским погребением** (погребение №4). Погребение мужчины 30-35 лет выявлено при масштабных раскопках совместной экспедицией Самарского госпедуниверситета и Института истории и археологии Поволжья поселения эпохи неолита-бронзового века у хут.Лебяжинка Красноярского района Самарской области в 1997 г. Значительная раскопанная на поселении площадь и тщательность ведения полевой документации позволяют утверждать, что погребение было одиночным и не являлось частью крупного могильника. Следов курганной насыпи при раскопках зафиксировано не было.

Могильная яма, ориентированная по линии северо-запад - юго-восток имела прямоугольную форму размерами 225x65 см и глубиной 14-15 см от поверхности материка. В районе головы погребенного могильная яма имела ступеньку шириной 20 см и высотой 4-5 см. Противоположная сторона ямы из-за неровности материка практически не прослеживалась. Погребенный - мужчина 30-35 лет, европеоид, лежал на спине вытянуто, головой на юго-восток, лицо обращено на юго-запад. Погребенный сопровождался крестцовой частью крупного животного, расположенной прямо за черепом.

В нижней части грудной клетки, справа на ребрах, лежала железная колчанная петля, слева - три сильно корродированных спекшихся железных наконечника стрел.

Между запястьем левой руки и крылом таза на дне могилы обнаружен браслет из толстого бронзового шестигранного в сечении прута с обрубленными несомкнутыми концами.

У фаланги пальца правой руки, между бедренной костью и сдвинутой костью руки лежал перстень из серебра с овальной розеткой с четырьмя лапками, в которой была закреплена стеклянная вставка фиолетового цвета.

За фалангами пальцев правой руки, у бедренной кости ноги находилось сильно корродированное железное кольцо, сделанное из круглого в сечении прута диаметром 0,5 см.

116. Кольцо. Железо.
Лебяжинское погребение.
СОИКМ. Ле-1997/1.
Публикации: Сташенков,
Турецкий, 1999. Рис.5, 4

На коленном суставе правой ноги зафиксированы детали сильно коррозированных железных удил.

Обухом на ступне правой ноги, лезвием на дне ямы лежал железный топор-чекан.

На правой бедренной кости находился обломок оселка из кварцитосодержащей породы с заполированными поверхностями размером 3,3х2,5х0,9 см, между черепом погребенного и юго-восточным углом ямы - плоский камень прямоугольной формы размерами 8х4,3х1,2 см.

У основания правой стороны черепа зафиксирована окись бронзы от серьги. Вероятно, фрагмент именно этой серьги был обнаружен около погребения.

*117. Топор. Железо. Лебяжинское погребение.
СОИКМ. Ле-1997/2.
Публикации: Сташенков, Турецкий, 1999. Рис.4*

117. Топор. Железо. Лебяжинское погребение.
СОИКМ. Ле-1997/2.
Публикации: Сташенков, Турецкий, 1999. Рис. 4

117. Топор железный, относится к группе боевых топориков-чеканов, отличающихся наличием выступающего обушка-молоточка и небольшими размерами. Топор был сильно корродирован. Форма и размеры топора уверенно восстанавливаются после реставрации, проведенной в 2020 г. зав. реставрационной мастерской СОИКМ им. П.В. Алабина К.В. Перцовым. Общая длина топора 15,4 см. Лезвие узкое клиновидное, длина лезвия 7 см, ширина его рабочей части 4,5 см. Длина вытянутой обушной части 4,5 см, максимальная ширина - 4 см. Проушное отверстие небольшое - 2х2,5 см, с сохранившимися остатками деревянной рукояти. Полных аналогий топору найти не удалось, но в целом он относится к типу I группы I специально боевых топориков-молотков (чеканов) по классификации А.Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1966. С.33, рис.6). По классификации И.Л. Измайлова топор относится к типу АI отдела А (специально боевых топоров) (Измайлов, 1993. С.90). Топоры типа АI были специализированным оружием воина-профессионала.

118-120. Наконечники стрел. Железо.
Лебяжинское погребение. СОИКМ. Ле-1997/3-5.
Публикуется впервые

118-120. Наконечники стрел железные - 3 экз. Наконечники сильно корродированы, спекшиеся в один кусок, форма их устанавливалась с трудом. После реставрации оказалось, что наконечники разных типов - долотоловидный, плоский листовидной формы без упора, плоский черешковый пятиугольный наконечник. Максимальная длина наконечника 6,5 см, длина пера - 4 см, максимальная ширина - около 2,5 см.

121. Петля. Железо.
СОИКМ Ле-1997/8
Публикации:
Сташенков, Турецкий, 1999. Рис. 3, 6

121. Петля образована из согнутого железного дрота длиной ок. 8,5 см, концы раскованы. Высота 4 см, максимальная ширина 4 см. Прослеживаются штифты крепления в ушках петли.

118-120. Наконечники стрел. Железо.
До реставрации.
Лебяжинское погребение.
СОИКМ. Ле-1997/3-5.
Публикации: Сташенков,
Турецкий, 1999. Рис. 3, 5

122. Удила. Железо. Лебяжинское погребение.
СОИКМ. Ле-1997/6.
Публикации: Сташенков, Турецкий, 1999. Рис. 5, 1

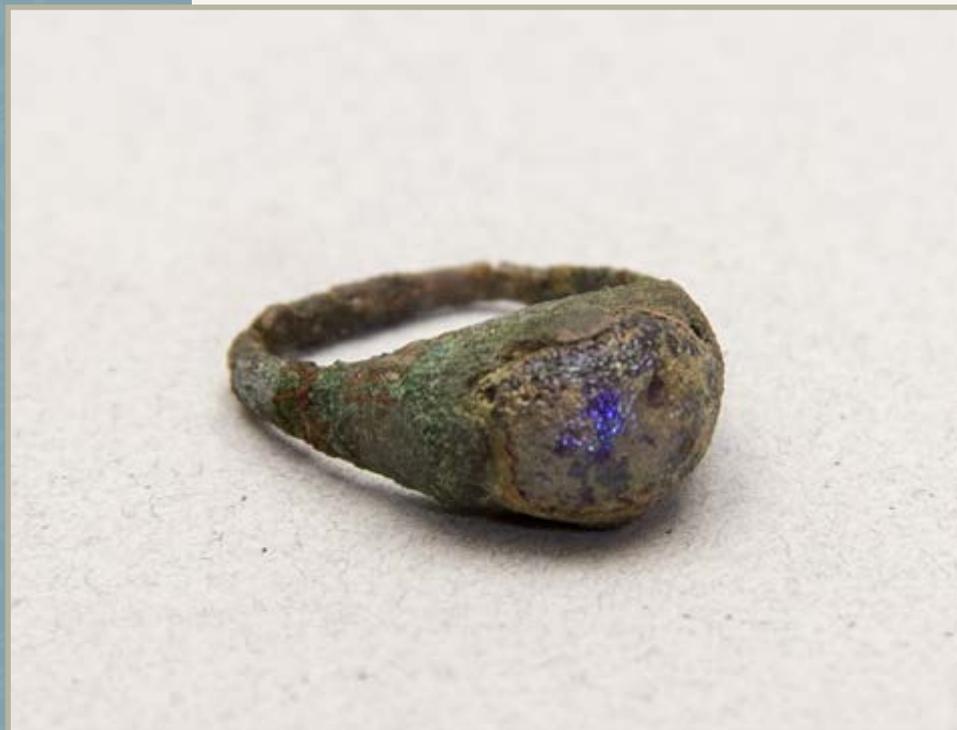
122. Удила железные двухсоставные, концы раскопаны в округлые кольца диаметром 4-4,5 см и подвижно соединены с двойными уплощенными кольцами-псалиями (?). Железо сильно коррозировано. Длина звена (грызла) 11 см, диаметр колец 2,5 и 4,5 см, диаметр соединительных колец 5 см. На некоторых деталях удил в железных окислах прослеживаются следы ткани. Возможно, найденный в погребении железный коррозированный стержень являлся частью псалий или собственно простым псалием-стерженьком, известным, в частности, в Дмитриевском могильнике (Плетнева, 1989. С.81). Как и в мадьярских погребениях на Дунае, наличие удил в погребении является символом помещения в могилу коня хозяину, жизнь которого была тесно связана с конем (Балинт, 1972. С.177). В Лебяжинском погребении, кроме того, можно предполагать, что помещенные в изголовье позвонки животного принадлежали лошади. Аналогичная деталь обряда известна в Танкеевском могильнике (Халикова, 1976 б. С.144).

123. Браслет. Бронза.
Лебяжинское погребение. СОИКМ. Ле-1997/7.
Публикации: Сташенков, Турецкий, 1999. Рис. 3, 3

123. Браслет изготовлен из толстого шестигранного в сечении прута с обрубленными несомкнутыми концами, овальной формы. Размеры браслета 7,73x5 см. Внешняя поверхность браслета украшена тремя рядами циркульного орнамента. Диаметр сечения прута 0,67 см.

124. Перстень. Бронза.
СОИКМ Ле-1997/5
Публикации: Сташенков, Турецкий, 1999. Рис. 3, 1

124. Перстень литой, в щитке перстня овальной формы с помощью четырех лапок закреплена вставка из стекловидной массы фиолетового цвета. Размеры перстня 2,8x2,0 см, размеры овальной вставки 1,3x1 см.

125. Серьга. Бронза.
СОИКМ. Ле-1997/6.
Публикации:
Сташенков, Турецкий,
1999. Рис. 3, 2

125. Фрагмент литой серьги салтовского типа, изготовленной из оловянистой бронзы. Кольцо серьги обломано, восстанавливается его овальная форма и ширина - около 1,1 см. В средней части высоты кольца имелось утолщение - имитация напускной бусины. Длина удлиненной 4-х бусинной привески 2,5 см. Диаметр трех первых шариков привески 0,4 см, последнего, более крупного - 0,6 см. Длина сохранившейся части серьги - 3,1 см. Лебяжинская серьга по технологическим и морфологическим особенностям датируется второй пол. VIII - IX в., имеет широкие аналогии в памятниках салтовского круга, в том числе и на территории Среднего Поволжья (Больше-Тарханский и Танкеевский могильники). Наличие одной серьги с правой стороны черепа - характерная деталь в мужских погребениях памятников венгерского круга (Халикова, 1976 а. С.162).

На территории Самарской Луки, где известно 26 экземпляров серег раннего салтовского (хазарского типов), литые салтовские серьги не встречены. Серьги из памятников новинковского типа отличаются от найденных на собственно салтовских памятниках и датируются концом VII - первой пол. VIII в. (Сташенков, 1997а. С.60-64).

В целом Лебяжинское погребение может датироваться в пределах IX в. Набор погребального инвентаря Лебяжинского погребения отличен от предметов из погребений 1 группы. Отличается ориентировка погребенного (юго-восточная). Лебяжинское погребение - единственное погребение угорского круга в Самарском регионе, где среди предметов вооружения присутствует топор-чекан.

Отметим, что по ряду признаков европеоидный череп из Лебяжинского погребения сходен с соответствующими признаками серии из Танкеевского могильника (Газимзянов, Хохлов, 1999. С. 304).

3) ВПУСКНЫЕ ПОДКУРГАННЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ
Всего в этой группе шесть комплексов.

ПОГРЕБЕНИЯ № 1 И 2 В ОДИНОЧНОМ КУРГАНЕ
У П/Л «ЗОЛОТАЯ НИВА»

Одиночный курган Золотая Нива III располагался на высокой коренной террасе левого берега р. Волги, у трудового лагеря «Золотая Нива» в Ставропольском районе Самарской области. Курганная насыпь диаметром 40 м имела высоту 0,7 м.

В 1977 г. курган был раскопан отрядом археологической экспедиции КГУ под руководством Л.Н. Жигулиной. В его центральной части под насыпью находилось три погребения. Основное погребение №3 относилось к бронзовому веку.

Погребения средневекового времени были впущены в насыпь центральной части кургана и были разделены конструкцией из вертикально стоявших тонких плашек шириной 4-5 см, длиной 40 см. Погребенные находились в деревянных гробах, сделанных из цельных досок толщиной 1,5-2 см, склоченных железными гвоздями и скобами. Длина первого гроба 1,8 м, ширина 0,3-0,37 м; размеры второго – 1,6х0,5 м,

126. Горлышко от бурдюка. Кость.
Одиночный курган Золотая Нива III.
Археологические фонды Самарского университета.
Публикации: Васильева, 1979. Рис. 4, 19

высота 0,17-0,2 м. Сверху находились крышки гробов из досок. Скелеты погребенных находились в вытянутом на спине положении, головой на запад. На левом виске черепа одного погребенного имелось круглое отверстие диаметром 4 см.

В погребении №1 находились костяное горлышко от бурдюка с резным геометрическим орнаментом; каменный оселок и остатки железных коррозированных предметов; 9 железных наконечников стрел гнездовского типа.

Справа от погребенного был положен сложносоставной лук, от которого сохранились костяные накладки: две срединные и четыре концевые. Срединные накладки имеют длину 12,5 см, ширину 2,5-3 см. Их внутренняя вогнутая поверхность покрыта глубокой штриховой нарезкой, нанесенной для лучшего сцепления с деревянной основой лука. Внешняя сторона выпуклая, покрытая неглубокими насечками.

*127-128. Накладки на лук. Кость.
Одиночный курган Золотая Нива III.
Археологические фонды Самарского университета.
Публикации: Васильева, 1979. Рис. 4, 5, 9*

Концевые накладки состояли из тонкой костяной пластинки и более массивной треугольной в сечении накладки дугообразной формы, длиной 14,6-16 см и шириной 0,8-0,9 см. Их внутренняя сторона – плоская со сплошной продольной нарезкой, внутренняя – выпуклая, покрытая глубокими наклонными насечками. Обе накладки обломаны и окрашены в красный цвет. В области таза умершего были обнаружены фрагменты кожи и деревянная планка длиной 15 см и шириной 2-4 см, окрашенная в красный цвет, которые, по-видимому, являлись остатками кожаного налучья с деревянным футляром.

В погребении №2 обнаружены железные нож, кресало с кресальным кремнем, костяные накладки от сложного лука и колчан с несколькими спекшимися железными наконечниками стрел. Лук был положен справа от умершего, а колчан – на левую бедренную кость ноги. Накладки лука представлены парой срединных и двумя парами концевых. Срединные

*129-133. Накладки на лук. Кость.
Одиночный курган Золотая Нива III.
Археологические фонды Самарского университета.
Публикации: Васильева, 1979. Рис. 4, 8, 10-12, 17*

накладки имели длину 13-13,8 см и ширину 3 см. Первая пара концевых накладок состояла из одной тонкой желобчатой, расширяющейся на концах, накладки и еще одной более массивной, длиной 14,7 см и шириной 0,9 см. Вторая пара концевых накладок состояла из одной целой желобчатой и одной фрагментированной.

По определению А.И. Семенова, луки из Золотой Нивы принадлежали к «венгерскому типу» (Савин, Семенов, 1995. С.76).

Находка целых сложных луков в обоих погребениях – уникальная ситуация для региона. Полный комплект, состоящий из двух парных концевых и парных срединных накладок, встречается при раскопках средневековых памятников Восточной Европы исключительно редко.

Колчан был изготовлен из бересты, которая крепилась на деревянном кольце, расположенном сверху колчана. На поверхности колчана находилась отполированная костяная накладка. Вдоль него шла тонкая изогнутая костяная планка длиной 14 см и шириной 0,3-0,5 см, которая прикреплялась к колчану двумя бронзовыми скрепками.

Погребения №1-2 в одиночном кургане Золотая Нива III можно датировать IX в.

Необычным для комплексов мадьярского круга кажется наличие гробовищ, но их следы были прослежены и в других памятниках. Имеются они в Танкеевском могильнике (Халикова, 1972. С.148), в курганном могильнике Просвет, известны они и в мадьярских комплексах на Дунае, в частности, в могильнике Бекешсентандраш (Эрдели, 1972. С.136).

134-138. Накладки на лук. Кость.
Одиночный курган Золотая Нива III.
Археологические фонды Самарского университета.
Публикации: Васильева, 1979. Рис. 4, 13-15

139-142. Накладки на лук и колчан. Кость.
Одиночный курган Золотая Нива III.
Археологические фонды Самарского университета.
Публикации: Васильева, 1979. Рис. 4, 6-7, 16, 18

ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ ПРОСВЕТ

В окрестностях пос. Просвет Волжского района Самарской области экспедицией под руководством А.И. Королева в 2005 г. было раскопано шесть курганов, в которых изучены погребения эпохи бронзы и два захоронения средневековых кочевников.

Погребение 7 кургана 7, женское, было впущено в курган срубной культуры. Могильная яма овальной в плане формы была ориентирована по линии восток-запад. С южной стороны ямы имелась ступенька шириной до 20 см. Скелет женщины 35–40 лет, обложенный корой или лубом, лежал вытянуто на спине, руки были вытянуты вдоль туловища. Слева у головы находилась левая плечевая кость лошади от особи 1–2 лет.

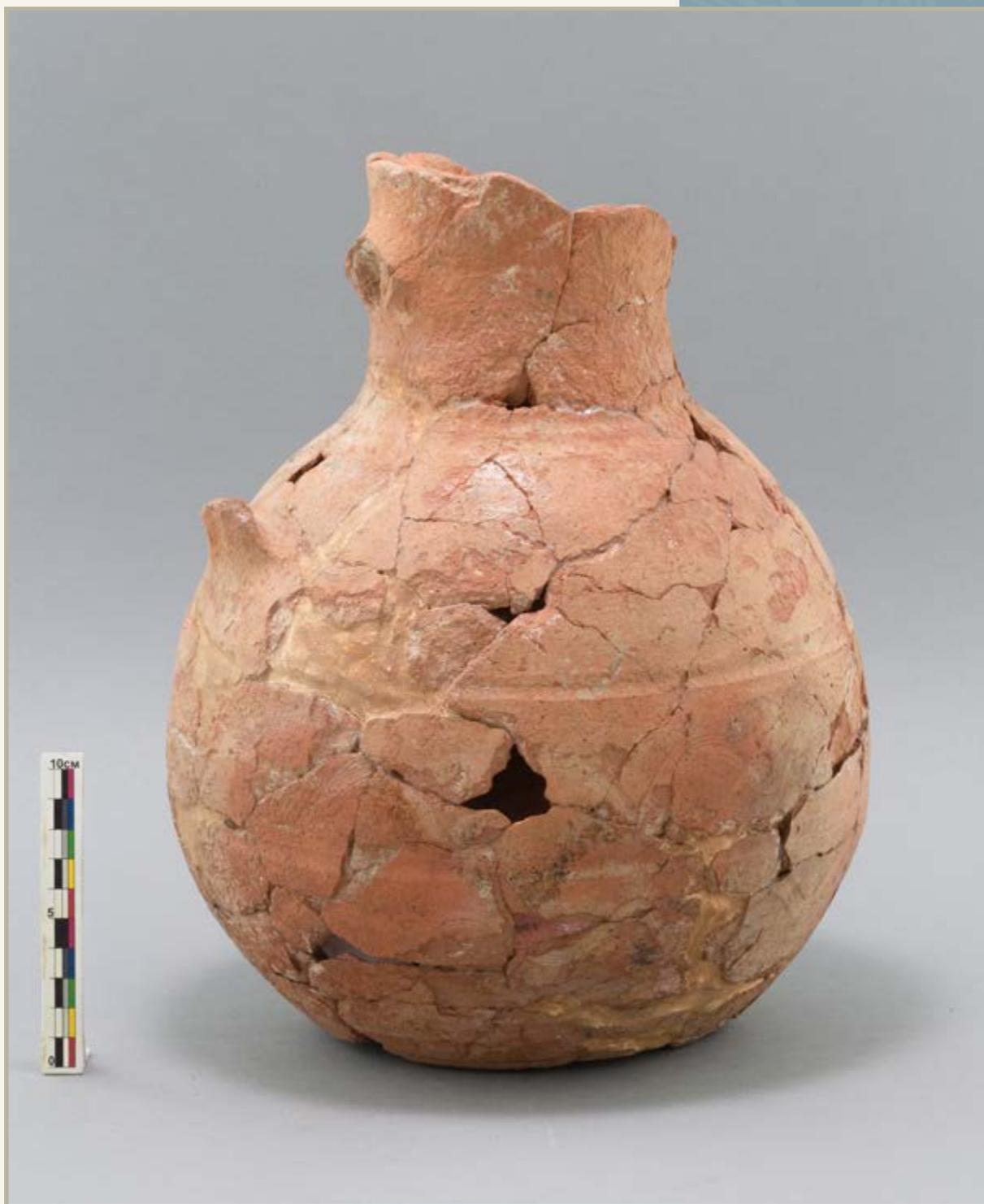

Раскопки курганного могильника Просвет. 2005 г.

За головой у правого плеча находился плоскодонный кувшин с шаровидным туловом и узким горлом, с отбитыми в древности ручкой и краем венчика. Поверхность сосуда была украшена параллельными рядами каннелюров и двумя прореченными горизонтальными волнами.

*Погребение 7 кургана 7 курганного могильника Просвет.
2005 г.*

*143. Сосуд. Глина. Погребение 7 кургана 7
курганного могильника Просвет.
СОИКМ КП-26132/3. Арх-432/3.
Публикации: Багаутдинов и др., 2006.*

Под сосудом находились фрагменты железного ножа, у сосуда – остатки железного кресала с кресальным кремнем.

144. Нож. Железо. Погребение 7 кургана 7 курганного могильника Просвет. СОИКМ КП-26132/19. Арх-432/19. Публикации: Багаутдинов и др., 2006.

145-146. Кресальный кремьнъ Фрагмент кресала. Железо. Погребение 7 кургана 7 курганного могильника Просвет. СОИКМ КП-26132/ 17-18. Арх-432/17-18. Публикации: Багаутдинов и др., 2006.

На тазовых костях и рядом с ними найдено шесть нашивных бляшек. Еще шесть подобных бляшек располагались вдоль бедренной и берцовой кости левой и правой ноги.

Бляшки бронзовые позолоченные, имеют вид рельефного цветка лотоса. Для крепления с тыльной стороны имеется по два штифта.

*Погребение 7 кургана 7 курганного могильника Просвет.
Ременные накладки в процессе расчистки. 2005 г.*

*Погребение 7 кургана 7 курганного могильника Просвет.
Ременная накладка в процессе расчистки. 2005 г.*

147-157. Поясной набор. Бронза. Погребение 7 кургана 7 курганного могильника Просвет.
СОИКМ КП-26132/4-15. Арх-432/4-15.
Публикации: Багаутдинов и др., 2006.

147. Ременная накладка.
Бронза, ткань.
Погребение 7 кургана 7 курганного могильника
Просвет.
СОИКМ КП-26132/4.
Арх-432/4.
Публикации:
Багаутдинов и др., 2006.

*148. Ременная накладка. Бронза, ткань.
Погребение 7 кургана 7 курганного могильника Прометей.
СОИКМ КП-26132/9. Арх-432/9.
Публикации: Багаутдинов и др., 2006.*

В районе колен находился щиток золотого перстня с плоской сердоликовой круглой в плане вставкой. Камень в оправе удерживался четырьмя выступающими округлыми цапфами.

Перстень сердоликовый, в золотой оправе. Щиток перстня имеет форму диска с четырьмя припаянными золотыми цапфами. С тыльной стороны в щитке есть две прорези для закрепления в щитке дужки перстня. Дужка не сохранилась.

В золотую оправу вставлен сердолик. Со стороны камня края "лапок" расклепаны для крепления камня в оправе. Камень имеет огранку. Вершина плоская, гладкая. От верхней площадки боковые грани расширяются до ребра.

*158. Фрагмент перстня. Золото, сердолик.
Погребение 7 кургана 7 курганного могильника Просвет.
СОИЖМ КП-26132/16. Арх-432/16.
Публикации: Багаутдинов и др., 2006.*

Пара золотых серег найдена под черепом. Кольцо серег имело овальную форму, на дужки в средней части и в основании были надеты полые состоящие из двух половинок бусины грушевидной формы. Дужка серег украшена напаянными шариками зерни и боковой полый двусоставной бусиной в верхней части.

Серьги имеют полые грушевидные подвески, подвижно соединенные с кольцом серьги. Подвески украшены горизонтальными рядами зерни, между которыми располагались кольцевидные фигуры с полусферическим выступом в центре и вертикальные ряды и пирамидки, выполненные при помощи зерни.

*160-161. Серьги. Золото.
Погребение 7 кургана 7 курганного могильника Просвет.
СОИКМ КП-26132/1-2. Арх-432/1-2.
Публикации: Багаутдинов и др., 2006.*

162. Застежка-костылек.
Бронза.
Погребение 7 кургана 7
курганного могильника
Просвет.
СОИМК КП-26132/23.
Арх-432/23.
Публикации:
Багаутдинов и др., 2006.

162. Бронзовая застежка-костылек. Находилась под плечевой костью лошади слева от черепа.

Длина застежки 4,4 см. На концах сделаны шаровидные утолщения. По всей длине стерженек имеет семь утолщений в виде валиков-перехватов, расположенных приблизительно на равном расстоянии друг от друга. Диаметр шарика на одном конце 5 мм, на другом - 4 мм. Диаметр сечения стерженька 3 мм, на уровне валика - 4 мм.

Погребение 1 кургана 9 по особенностям обряда можно рассматривать в одном контексте с первым комплексом.

Могильная яма глубиной около 1 м вытянута по линии запад-восток. В ней находились остатки деревянной колоды размером 222х53 см.

В колоде вытянуто на спине головой на запад лежал скелет взрослого мужчины 45–50 лет. У колена правой ноги лежали остатки какого-то сильно коррозированного предмета. У лобной части черепа находился позвонок мелкого животного.

В западной и восточной частях колоды найдены угольки и фрагменты прокаленной глины.

По определению самарского антрополога А.А. Хохлова на черепе фиксируется комбинация европеоидных и монголоидных черт при доминировании последних.

В целом по особенностям погребального обряда и инвентаря два средневековых комплекса из могильника Просвет I могут быть датированы IX в. и сопоставлены с Волго-Уральскими погребениями мадьярского круга. Однако они обладают рядом уникальных черт. Только в погребении 7 кургана 7 присутствуют золотые украшения (поясные накладки, перстень, серьги). Аналогии найденному в погребении кувшину в регионе отсутствуют.

Деревянное гробовище в погребении 1 кургана 9 сближает погребения из курганного могильника Просвет с погребениями из одиночного кургана Золотая Нива.

Вопрос об этнической принадлежности погребенных сложен: считать ли эти погребения угорскими, как это было сделано авторами первой публикации (Багаутдинов и др., 2006), или печенежскими? С одной стороны, западная ориентировка погребения, стилистически близкое оформление украшений сближают их с памятниками мадьярского круга, с другой – курганный обряд погребения, выбор золота в качестве основного материала для изготовления украшений, наличие специфической керамики дают основание для поиска иных аналогий.

*Погребение 1
кургана 9 курганного
могильника Просвет
в процессе расчистки.
2005 г.*

Этническая атрибуция погребенных в курганном могильнике Просвет ставит возможной не ранее, чем будут выработаны четкие критерии дифференциации погребальных комплексов эпохи мадьяро-печенежских войн IX в.

ХРЯЩЕВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ (впускное погребение 1 кургана 8)

Открыто в насыпи кургана под западной его полой, на глубине 0,3 м от поверхности. Непосредственно над погребением отмечены скопления золы и угля. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. Из костей рук сохранилось лишь правое плечо. Ключицы лежали правильно, как при вытянутом вдоль туловища положении рук. От грудной клетки сохранилось лишь несколько обломков ребер. Таз разломан. Ноги были вытянуты, ступни не сохранились. У головы и правой плечевой кости, а также под нижней челюстью найдены две подвески колесовидной формы из белого металла. Подвески состоят из двух концентрических кругов с четырьмя расплюснутыми в средней части осями. Слева от черепа найден лепной круглодонный сосуд с отогнутым венчиком, орнаментированный грубыми круглыми вдавлениями по плечикам и грубым веревочным орнаментом по шейке. Рядом с горшком лежало большое биконическое глиняное пряслице. В области шейных позвонков, грудной клетки, тазовых костей и у правого бедра найдено 126 бусин от ожерелья, украшавшего шею и грудь погребенной. Бусы сделаны из стекла, стеклянной пасты, сердолика, различных видов камня, раковин. Среди них встречены шарообразные, овальные, веретенообразные бусы, многоцветные, с инкрустированными и рельефными глазками, плоские подвески, многочисленные золоченые пронизки и др.

Н.Я. Мерперт датировал погребение второй пол. VIII - IX вв. н. э. и связал его с началом истории болгарских племен в Поволжье (Мерперт, 1954. С.127-129). Вместе с тем он отметил, что круглодонный горшок, найденный при погребении, по форме, технике производства и характеру орнамента может быть связан с исконными производственными традициями племен среднего Поволжья и Прикамья.

Определение этнической принадлежности хрящевского погребения на настоящий момент преждевременно. Можно только отметить, что подкурганый обряд погребения, наличие в погребении большого числа бус, круглодонный орнаментированный сосуд не характерны для раннеболгарских племен. Вероятно, исходные районы миграции населения, оставившего погребение, следует искать в Прикамье и Приуралье.

*Хрящевское погребение (погребение 1 кургана 8).
Рис. по: Мерперт, 1954.*

163-164. Амулет. Бронза. Комплект бус. Стекло, камень.
Хрящевское погребение (погребение 1 кургана 8).
Рис. по: Мерперт, 1954.

165. Сосуд. Глина. Хрящевское погребение
(погребение 1 кургана 8).
Рис. по: Мерперт, 1954.

*Реконструкция внешнего облика женщины-мадьярки по материалам Палимовского и Хрящевского погребений.
Художник М.В. Клугман.*

БОБРОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ
(впускное погр.6 кургана 2
курганного могильника Бобровка I)

В 2000 г. экспедицией Самарского университета под руководством В.А. Скарбовенко в 0,8 км от с. Бобровка Кинельского района Самарской области был исследован курганный могильник Бобровка I. Всего раскопано три кургана, сооруженных в эпоху бронзы.

В кургане 2 было выявлено впускное погребение (№6), относящееся к раннему средневековью (Скарбовенко, 2000. С.197-199).

Захоронение было совершено в южной поле насыпи кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии СЗ-ЮВ, имела ступеньку шириной 50 см вдоль продольной северной стенки. На ступеньку была положена шкура молодой лошади (1-1,5 года), от которой сохранились череп, кости конечностей от метаподий до копыт и хвостовые позвонки в анатомическом порядке.

*Погребение 6 кургана 2 курганного могильника Бобровка I.
Комплекс из черепа и костей лошади.
Публикации: Скарбовенко, 2000.
Фотография В.А. Скарбовенко, П.В. Ломейко.*

Погребение ребенка возрастом до одного года было совершено в вытянутом на спине положении, головой оно было ориентировано на СЗ. В погребении находились серебряные литые серьги салтовского типа, бронзовый бубенчик, две бронзовые спиральные пронизки, два глиняных сосуда - сероглиняный круговой кувшинчик и небольшой лепной горшок, орнаментированный пальцевыми вдавлениями по венчику. Рядом с глиняными сосудами в изголовье находилась кость конечности свиньи или кабана.

Погребение может быть отнесено к салтовскому кругу.

*Погребение 6 кургана 2 курганного могильника Бобровка I.
Публикации: Скарбовенко, 2000.
Фотография В.А. Скарбовенко, П.В. Ломейко.*

166. Подвеска-реликварий. Бронза.
Погр.б кургана 2 курганного могильника Бобровка I.
СОИКМ КП-26992/14. Арх-449/14.
Публикации: Скарбовенко, 2000. Рис.2, 2

167-168. Серьги. Серебро.
Погр.б кургана 2 курганного могильника Бобровка I.
СОИКМ КП-26992/1-2. Арх-449/1-2.
Публикации: Скарбовенко, 2000. Рис. 2, 1

169. Пронизи. Бронза.
Погр.б кургана 2 курганного могильника Бобровка I.
СОИКМ КП-26992/15. Арх-449/15.
Публикации: Скарбовенко, 2000. Рис.2, 2

170. Кувшин. Глина.
Отпечаток клейма
на дне кувшина.
Погребение 6 кургана 2
курганного могильника
Бобровка I.
СОИМК КП-26992/16.
Арх-449/16.
Публикации:
Скарбовенко, 2000.
Рис. 2, 3

*171. Сосуд. Глина.
Погребение 6 кургана 2
курганного могильника Бобровка I.
СОИКМ КП-26992/17. Арх-449/17.
Публикации: Скарбовенко, 2000. Рис. 2, 4*

*Реконструкция внешнего облика погребенного
в кургане 2 курганного могильника Бобровка I.
Художник М.В. Кругман.*

ВОСКРЕСЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

В августе 1924 г. экспедиция под руководством В.В. Гольмстен при участии слушателей Высших этнолого-археологических курсов провела раскопки курганного могильника №3 у с. Воскресенка Самарского уезда (сейчас - Волжского района Самарской области).

В могильнике, состоявшем из 14 курганов, было раскопано два кургана. Один из них был сооружен в бронзовом веке, второй (курган №8) относится к средневековой эпохе. Курганы, в соответствии с практикой первой четверти XX в., раскапывались «колодцами».

При раскопках кургана №8 под наброской из крупных камней были зафиксированы череп и длинные кости лошади, под ними отмечено могильное пятно округлой формы диаметром более 2 м. Погребение было разрушено в древности, кости погребенного были перемешаны, погребальный инвентарь, сохранившийся частично, находился в переотложенном состоянии. Он представлен фрагментами срединной и четырех концевых роговых обкладок лука, наконечниками стрел, крупной стеклянной бусиной белого цвета. В погребении были зафиксированы мелкие фрагменты серебряных листочков и бронзовых изделий, которые в музейную коллекцию не вошли.

172-177. Наконечники
стрел, кольцо. Железо.
Бусина. Стекло.
Погр.1 кургана 8
курганного могильника
№3 у с. Воскресенка.
СОИМК Арх-213/13-14.
Публикуется впервые

178-182. Накладки на лук. Лицевая сторона.
Погр.1 кургана 8 курганного могильника №3 у с. Воскресенка.
СОИКМ Арх-213/1-6.
Публикации: Васильева, 1979. Рис.17, 1

Датировка комплекса вызывает определенные сложности. Сочетание набора из срединной и концевых обкладок лука венгерского типа и трехлопастного наконечника стрелы характерно для IX века, но обнаруженный в погребении броневой наконечник стрелы более типичен для X и последующего столетий. Вероятно, погребение у с. Воскресенка было совершено не ранее рубежа IX-X вв.

178-182. Накладки на лук. Обратная сторона.
Погр.1 кургана 8 курганного могильника №3 у с. Воскресенка.
СОИКМ Арх-213/1-6.
Публикации: Васильева, 1979. Рис.17, 1

4) ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

К угорскому кругу с оговорками можно отнести пока только одно погребение подростка в грунтовой части могильника **Ош-пандо-Нерь**.

Погребение (№14) было исследовано при исследовании селища именьковской культуры Ош-Пандо-Нерь (раскоп VIII) экспедицией под руководством Н.А.Лифанова в 2001 г.

Погребение было совершено в гумусном слое и размеры могильной ямы автором раскопок были зафиксированы по профилю бровки. Ширина ямы в верхней части составляла 73 см, у дна 45 см.

Костяк располагался вытянуто на спине, с разворотом на правый бок, головой он был ориентирован на северо-запад. Руки погребённого были слегка согнуты в локтях, правая нога – в колене. Кисть левой руки отсутствовала. У головы погребённого располагался лепной округлодонный сосуд, орнаментированный в верхней части резными линиями в виде двух рядов параллельных зигзагов (Лифанов, Седова, 2003. С.306, рис. 5, 8).

183. Сосуд. Глина.
Погр.14. Раскоп VIII. Селище Ош-Пандо-Нерь II.
СОИКМ О-2001/11.
Публикации: Лифанов, Седова, 2003. Рис. 5, 8

С древними уграми некоторыми исследователями также связывается **погребение 1 Подгорского грунтового могильника**, погребальный инвентарь в котором представлен крупной серебряной серьгой (Лифанов, Седова, 2003).

Находки лепной круглодонной орнаментированной керамики в заполнении ямы п.1 к.37 Брусянского II курганного могильника (Багаудинов и др., 1998. Табл. LVI, 5) относится к следующему культурно-хронологическому горизонту.

*184. Серьга. Серебро.
Селище Подгоры I - 2000.
Раскоп III.
Грунтовое погребение 1.
СОИКМ КП 27392/2.
Арх-454/2.
Публикации:
Лифанов, Седова, 2003.
Рис.5, 2*

ЖИГУЛЕВСКИЙ II ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК

Жигулевский II грунтовой могильник расположен в северной части Самарской Луки в окрестностях с. Жигули. Памятник обнаружен в 2010 г. археологической экспедицией Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Могильник составляет единый комплекс с расположенным рядом синхронным ему поселением.

В 2010-2018 гг. на могильнике было заложено три раскопа. Основные работы проводились на раскопе 3 площадью 148 кв. м. На раскопе 3 было изучено 19 погребений, 18 из которых совершены по обряду кремации, одно – по обряду ингумации.

Кремационные погребения совершались преимущественно в округлых ямах диаметром 0,4-0,8 м, глубиной 10-30 см. В заполнении ямы на разной глубине встречены кальцинированные измельченные кости. Несколько кремационных погребений были устроены в могильных ямах подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами, размерами 200x100-120 см, углубленных в материк на 0,7 м. В верхней части заполнения ям зафиксированы угли и отдельные кальцинированные кости.

Изученные погребения сопровождалась лепными горшководвидными сосудами, украшенными защипами по краю венчиками, предметами быта, конской сбруи, удилами, фрагментами поясных наборов, бронзовыми украшениями, стеклянными бусами. Основная масса находок датируется в пределах VII–IX вв.

185-189. Сосуды. Глина.
Жигулевский могильник. Раскоп 3 погр.5.
СОИКМ. ВТ-2014/11-15.
Публикации: Сташенков, Салугина, 2019. Рис.6-7

190-199. Пряжка, ременные накладки, наконечник ремня.
Бронза.

Жигулевский могильник. Раскоп 3 погр.5.
СОИКМ. ВТ-2014/16.

Публикации: Сташенков, Салугина, 2019. Рис.3

Особый интерес представляют погребения № 9-10 - захоронение остатков кальцинированных костей человека с лепным сосудом, удилами набором украшений в одной яме и челюстей и длинных костей лошади с сосудом, удилами и металлическими деталями уздечки - в другой, примыкающей к первой.

Богатым инвентарем отличалось кремационное погребение № 5, материал из которого представлен в каталоге.

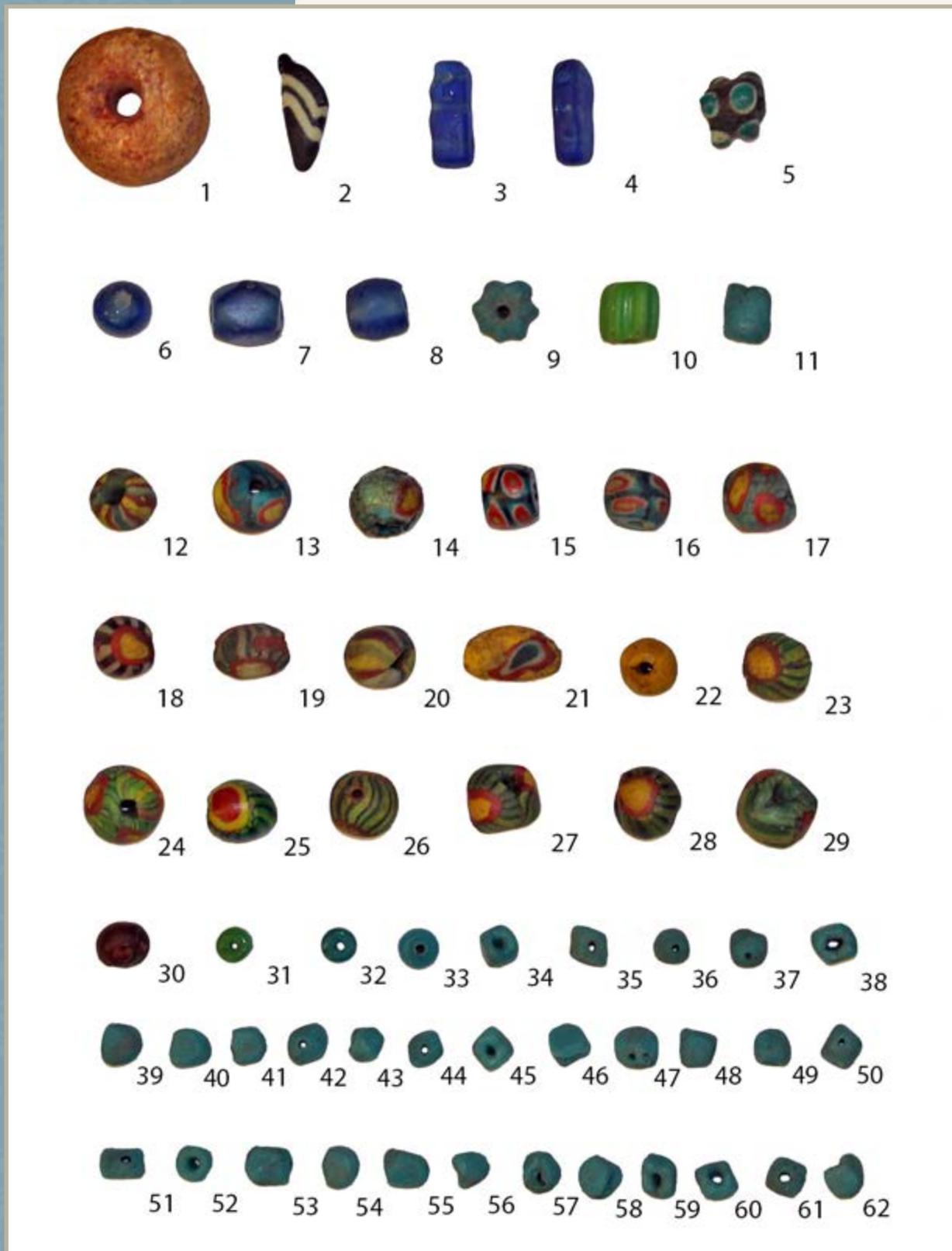
На основании раскопок Жигулевского археологического комплекса можно утверждать, что часть погребений на Жигулевском II грунтовом могильнике совершалась в одно время с подкурганными и грунтовыми захоронениями новинковского типа. Отличия в погребальной обрядности позволяют говорить о том, что население, оставившее памятники в разных районах Самарской Луки, отличалось друг от друга по этнической и культурной принадлежности. Не исключено, что среди населения, оставившего погребения Жигулевского II грунтового могильника, были и представители угорских групп.

200-208. Браслет, серьги, амулет, пронизи. Бронза.
Жигулевский могильник. Раскоп 3 погр.5.
СОИКМ. ВТ-2014/17-25.
Публикации: Сташенков, Салугина, 2019. Рис.4.

Бусы из погребений Жигулевского II грунтового могильника находят аналогии в памятниках раннего средневековья Урало-Поволжского региона, в том числе в погребениях новинковского круга на Самарской Луке (Матвеева, 1997), в памятниках неволинской культуры Прикамья (Голдина, 2010), салтовских комплексах Подонья и Северного Кавказа (Плетнева, 1989).

209. Набор бус. Стекло, янтарь.
Жигулевский могильник. Раскоп 3 погр.5.
СОИКМ. ВТ-2014/26.
Публикации: Сташенков, Салугина, 2019. Рис.5-5а.

5) СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ

В фондах СОИКМ им. П.В. Алабина хранятся два набора ременных накладок, обнаруженных в начале XX в. на дюнах у с. Марычевка Самарской губернии.

Вероятно, предметы происходят из разрушенных погребений. Географическая близость мест находок к немчанским погребениям и стилистические особенности предметов поясной гарнитуры позволяют предположить, что гипотетические погребения должны были относиться к первой группе.

210-220. Ременные накладки, наконечник ремня. Бронза.
Разрушенное захоронение у с. Марычевка.
СОИКМ. КП-201/1-11. Арх201/1-11.
Публикуется впервые.

221-228. Ременные накладки, наконечник ремня. Серебро.
Разрушенное захоронение у с. Марычевка.
СОИКМ КП-201 Ф2-144

221. Наконечник ремня.
Серебро.
Разрушенное захоронение
у с. Марычевка.
СОИКМ КП 201.
Ф2С-155.

Наконечник ремня прямоугольной формы с закругленным окончанием. На лицевой стороне имеется орнамент в виде пяти находящихся один над другим строенных цветов лотоса, завершающихся цветком большего размера. После отливки в односторонней форме наконечник был доработан гравировкой. С оборотной стороны припаяны штифты для крепления. У основания наконечника напаяно два штифта, у окончания его было пробито отверстие для крепления штифта. Кончики штифтов раскованы. Судя по размерам штифтов, толщина основы ремешка не превышала 0,15 см.

225. Накладка ременная с подвижным колечком, высота без петли 1,4 см. Основа накладки имеет неправильно овальную форму, в овал вписана композиция из находящегося в центре цветка лотоса с раскрывшимся бутонем, от которого отходят вправо и влево по одному крупному цветку-трилистнику. После отливки детали были проработаны гравировкой. В нижней части накладки находится петелька для привешивания подвижного колечка. С обратной стороны накладки сохранились три припаянных шпенька для крепления к основе ремня. Судя по расклепанным кончикам шпеньков, толщина ремня не превышала 0,4 см.

222-225. Ременные
накладки. Серебро.
Разрушенное захоронение
у с. Марычевка.
СОИМК КП 201.
Ф2С-156-159.

*226-228. Ременные накладки. Серебро.
Разрушенное захоронение у с. Марычевка.
СОИКМ КП 201. Ф2С-160-162.*

229. Серьга. Серебро.
Случайная находка на территории г. Самары.
СОИКМ КП-28932/101. Арх-524/101.
Публикации: Сташенков, Кочкина, 2012.

На территории современного города Самары в районе Студеного оврага была случайно найдена составная серьга салтовского типа.

Серьга состоит из двух частей - кольца овальной формы с напаянным стерженьком в верхней части, на который надета полая бусина и подвижно соединенной с кольцом удлиненной привески. На стержень привески нанизаны четыре полых металлических бусины, разделенных колечками зерни.

Размеры кольца – 2,1х1,7 см, длина привески 4,2 см, диаметр проволоки – 0,2 см, диаметр бусин 0,6-0,8 см.

Серьга может датироваться второй половиной VIII-IX в. Многочисленные аналогии ей имеются на территории салтово-маяцкой культуры - в Нижнем Подонье и на Северном Кавказе. В памятниках новинковского типа на Самарской Луке подобные серьги не встречены.

ПОСЕЛЕНИЯ

До недавнего времени материалы мадьярского круга в Самарском Поволжье были представлены только погребальными комплексами. На рубеже XX-XXI вв. были выявлены и начали изучаться поселенческие комплексы последней четверти I тыс. Эти поселения немногочисленны и типология представлена в самом общем виде (Сташенков, 2000). Горизонт с находками хазарского времени обычно тонкий и редкие индивидуальные находки не позволяют дать ему узкую датировку. На всех памятниках в той или иной степени представлена керамика салтово-маяцкого круга, причем керамический набор на памятниках, расположенных в различных частях Самарского Поволжья, различается между собой. По состоянию на сегодняшний день мы можем сделать несколько наблюдений, касающихся поселений:

1) Поселения, на которых представлена керамика салтово-маяцкого круга, появляются в Самарском Поволжье не ранее VIII – IX вв. Признаком для выделения подобных памятников служит присутствие в керамическом комплексе фрагментов круговых кувшинов с полосчатым вертикальным или перекрестным лощением и фрагментов амфор причерноморского типа. Лепная горшководная посуда этих памятников изучена недостаточно.

2) Поселения имеют тонкий культурный слой и являются либо сезонными стойбищами подвижного населения, либо недолговременными ремесленными поселками.

3) Поселения хазарского времени в Среднем Поволжье оставлены смешанным в этническом плане населением. Часть этого населения была родственной носителям салтово-маяцкой культуры. Определить исходный район миграции этого населения в рамках общего ареала салтово-маяцкой культуры в настоящий момент не представляется возможным. На основании археологических находок можно также говорить о присутствии на исследованных памятниках славянского и угорского населения.

Осрестности с. Малая Рязань. 2010 г.

1) ПАМЯТНИКИ САМАРСКОЙ ЛУКИ

При раскопках на селищах Севрюкаево II, Новый Путь, Малая Рязань VII выявлены фрагменты лепных горшков, орнаментированных защипами и вдавлениями по венчику, фрагменты красноглиняных амфор причерноморского типа, глиняные уплощенные пряслица, фрагменты глиняных сковород с бортиками. Насыщенность культурного слоя находками низкая. Остатки жилых построек не выявлены. Предположительная дата памятников – VIII–IX вв. Фрагменты амфор причерноморского типа, которые гипотетически могут конкретизировать дату памятников, имеют широкую датировку.

Наиболее раннюю хронологическую позицию среди поселенческих памятников Самарской Луки имеет Жигулевское селище, при исследовании которого найдены предметы, находящие аналогии в погребальных комплексах новинковского круга. Керамический материал представлен фрагментами лепных горшковидных сосудов, с примесью шамота, дресвы и органики в формовочной массе. Отсутствие целых форм и выразительных крупных фрагментов не позволяет провести четкие параллели с материалами конкретных археологических культур. На данном этапе исследования представляется, что по составу формовочной массы и характеру обработки поверхности сосудов собранная керамика имеет определенное сходство с керамикой пеньковской культуры. В то же время присутствие в керамической коллекции венчиков горшковидных сосудов, имеющих специфическую орнаментацию пальцевыми защипами, дает возможность предполагать связь обитателей рассматриваемых поселений с населением, оставившим погребальные комплексы новинковского круга. На примыкающем с севера к Жигулевскому селищу грунтовом могильнике захоронения совершались по обряду кремации на стороне. Материал из погребений дает возможность уточнить датировку памятника в пределах конца VII – VIII в. Возможно, Жигулевское селище оставлено славянским населением, в функции которого входило обслуживание военизированных новинковских групп. Появление этого населения в Среднем Поволжье в целом можно объяснить целенаправленной политикой хазарской администрации по освоению пограничных территорий каганата.

230. Бусина. Стекло.
Жигулевское селище.
СОИКМ. ЖС-2017.
Публикуется впервые.

2) ПАМЯТНИКИ САМАРСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ВОЛГИ (Пролетарское городище, селище Власть Труда)

Памятники удалены друг от друга и расположены в бассейнах разных рек – р. большой Черемшан и р. Сок.

При раскопках **Пролетарского городища** на р. Большой Черемшан найдены фрагменты керамики, находящие аналогии в материалах бакальской культуры Западной Сибири. На городище были выявлены и остатки построек каркасно-столбовой конструкции, которые можно соотнести с населением, оставившем эту керамику.

Основная часть найденных на городище материалов относится к более позднему времени. Это фрагменты причерноморских амфор, салтовских подправленных на круге кувшинов вытянутых пропорций, пряслица из стенок салтовских кувшинов, жетоны из стенок амфор. Часть керамического материала находит также параллели в западносибирских материалах IX–X вв.

*231. Горшок круглодонный. Глина. VIII-IX вв.
Пролетарское городище.
СОИКМ Арх-461.
Публикуется впервые.*

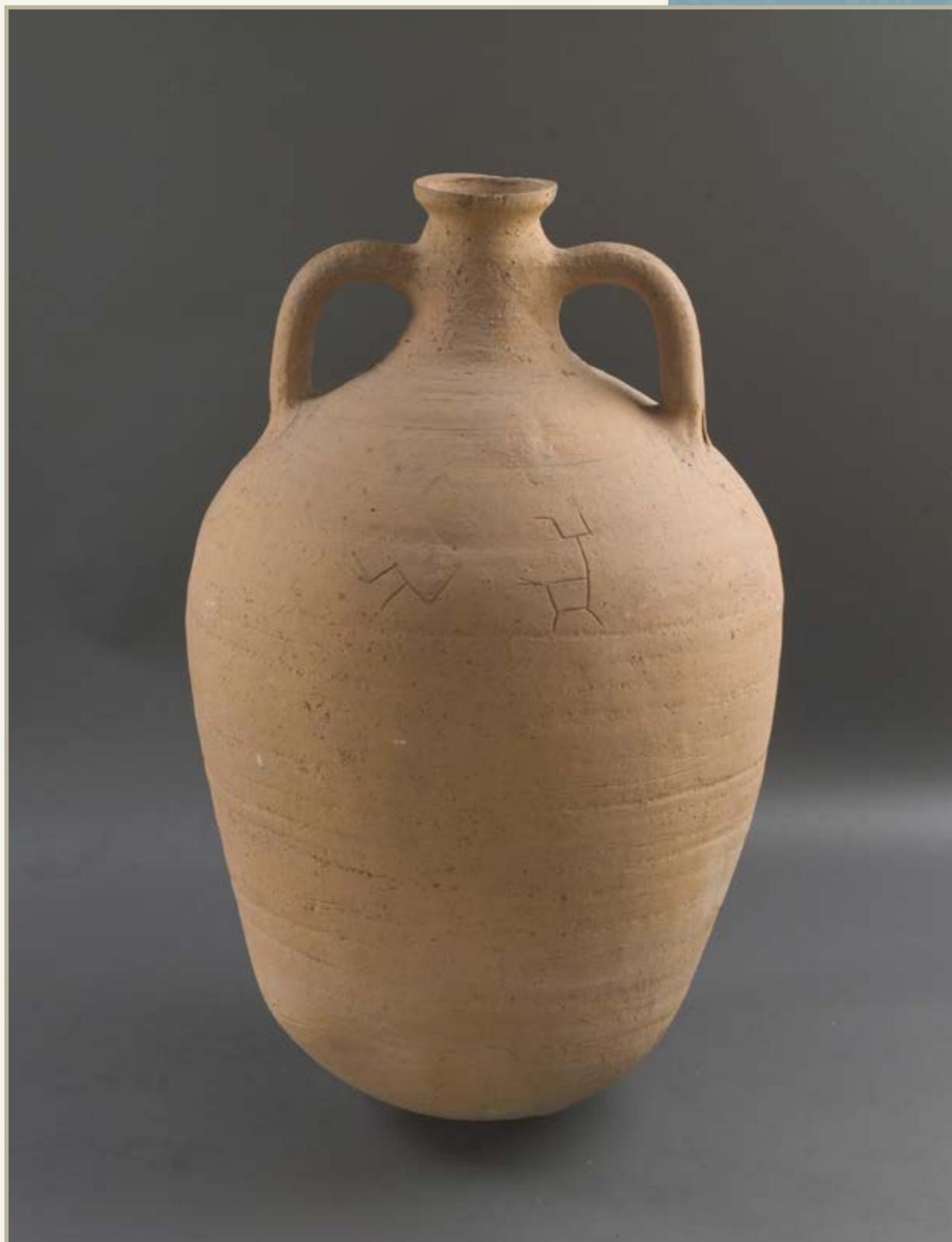

*232. Фрагмент амфоры. Глина. VIII-IX вв.
Пролетарское городище.
СОИКМ КП - 26145/2. Арх-461/2.
Публикуется впервые.*

*233. Фрагмент амфоры с прочерченным знаком-тамгой.
Глина. VIII-IX вв.
Пролетарское городище.
СОИКМ КП - 26145/2. Арх-461/2.
Публикуется впервые.*

*234. Амфора. Глина. Брусянский III курганный могильник,
курган 1.*

СОИКМ КП-25963/1. Арх-440/1.

Публикации: Багаутдинов и др., 1998. Рис.40, 1

СЕЛИЩЕ ВЛАСТЬ ТРУДА

На селище Власть Труда, расположенном выше Самары, к северу от места впадения реки Сок в Волгу, найдены фрагменты амфор крымского типа, орнаментированная резными линиями и отпечатками штампа по тулову, вдавлениями и насечками по срезу венчика лепная керамика, которую можно связать с населением угорского круга.

На основании анализа керамического материала, находок бронзовой ременной накладки, мозаичной стеклянной бусины и радиоуглеродных дат памятник можно датировать VIII-IX вв. н.э. Тонкий культурный слой на памятнике свидетельствует о сравнительно кратковременном существовании поселения.

*235-238. Ручка амфоры, фрагменты лепных сосудов. Глина.
VIII-IX вв. Селище Власть Труда.
СОИКМ. ВТ-19/943-946.
Публикации: Сташенков, Кочкина, 2019. Рис. 6-7.*

*236. Фрагмент венчика лепного сосуда. Глина.
VIII-IX вв. Селище Власть Труда.
СОИКМ. ВТ-19/943.
Публикации: Сташенков, Кочкина, 2019. Рис.6*

239-248. Сосуды из кремационного захоронения. Глина.
VIII-IX вв. Селище Власть Труда.
СОИКМ. ВТ-20/241-250.
Публикуется впервые.

Среди оставившего памятники Самарского левобережья Волги населения уверенно вычлняются группы, родственные населению салтово-маяцкой культуры, и населению, имеющему восточное по отношению к Самарскому региону происхождение, возможно, угорскому. Кроме того, в бассейне р. Большой Черемшан по разведочным материалам зафиксированы памятники, на которых присутствует керамика роменско-боршевского круга: селища Каменный Брод, Пролетарское.

Памятники, маркирующие завершающую стадию освоения территории Среднего Поволжья выходцами с территории Хазарского каганата, могут быть датированы в пределах IX – X вв. К этому времени относятся и первые известные стационарные поселения на территории Татарстана, на которых найдена керамика салтовского круга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные материалы Самарского региона, находящие аналогии как в материалах Больше-Тиганского и Танкеевского могильников на территории Татарстана, так в комплексах эпохи «обретения родины» на территории Венгрии, позволяют соотнести большую часть описанных комплексов если не собственно с мадьярским населением, то с угорским кругом древностей в целом.

Опираясь на сведения Ибн-Фадлана о территории, занятой кочевниками-башкортами и сведения исторических источников XVI в. о расположении летних пастбищ ногаев, можно утверждать, что наиболее востребованными в среде кочевого населения средневековой эпохи в регионе являлись пастбищные угодья в Самаро-Кинельском междуречье. Именно к этому району и приурочены погребения первой группы, дюнные находки у с. Марычевка и поселение «Власть Труда». К сожалению, характер имеющихся комплексов дает возможность сделать только предварительные замечания о размерах пастбищных территорий, занимаемых небольшими родственными группами. Вероятно, в окружности они не превышали 50-70 км. Погребение в курганном могильнике Просвет хорошо вписывается в предлагаемую структуру и также может являться мадьярским.

Оставшиеся комплексы 2-4 групп с собственно мадьярским кругом памятников связать не представляется возможным, но они могли быть оставлены в целом родственными угорскими группами. Так, Лебяжинское погребение обнаруживает определенную близость с синхронными ему могильниками Прикамья и Приуралья, связываемым с мадьярским этносом. Об этом свидетельствуют аналогии вещевому комплексу и деталям погребального обряда. Совпадает набор и характер размещения погребального инвентаря, оформление могильной ямы, наличие жертвенного комплекса в изголовье погребенного и другие детали. И хотя юго-восточная ориентировка Лебяжинского погребения не характерна в целом для памятников мадьярского круга, где преобладает западная ориентировка погребенных, однако и в Больше Тиганском, и в Танкеевском могильнике почти в 10% погребений встречается восточная ориентировка с сезонными отклонениями (Халикова, 1972. С.148).

Анализ полученного при раскопках ранне-средневековых поселений археологического

ÖSSZEFOGLALÁS

Összefoglalóan elmondhatjuk, hogy a szamarai régió áttekintett leletanyagában ugyanúgy megtaláljuk azokat az analógiákat, amelyeket a tatárföldi Bolsije Tyigani és a tankejevukai temető esetében ismertek, valamint a honfoglalás kori leletgyűttesekben a Kárpát-medencében. Ez az alapja annak, hogy az itt leírt leletgyűttesek többségét – ha nem is közvetlenül a tulajdonképpeni magyarokhoz –, de tágabb értelemben az egykori ugor népességhez kössük.

Ibn Fadlan nomád baskírokról szóló értesülései, illetve a 16. századi történeti forrásokban a nogajok nyári legelőinek elhelyezkedéséről megőrződött adatok alapján elmondhatjuk, hogy a tárgyalt régió középkori nomád népei által leginkább kedvelt és használt legelőterület a Szamara és Kinel menti folyóköz volt. Éppen ehhez a területről ismertek az első csoport temetkezései, a Maricsevka falu melletti dűnékről származó leletek és a Vlaszty Truda nevű telep hagyatéka. Sajnos az említett leletgyűttesek jellege csak előzetes megállapításokat tesz lehetővé az ide sorolható legelőterületek nagyságáról, amelyeket kisebb rokon közösségek birtokolhattak. Kiterjedésük valószínűleg a nem haladta meg az 50-70 km-t. A prosveti kurgánsíros temetőből ismert sír jól illeszkedik ehhez a feltételezett struktúrához és valószínűleg szintén magyarként határozható meg.

A 2–4. leletcsoportokat nem lehet összekapcsolni közvetlenül a magyar leletkörrel, de feltehetően a rokon ugor csoportok hagyatéka. Így a lebjazsinszki temetkezés jó párhuzamot mutat a Káma és az Urál régió egykori temetőivel, amelyeket a magyarokkal hoztak kapcsolatba. Ezt bizonyítják a sírmellékletek és a temetési szokások részleteinek analógiái. Párhuzamot mutat a mellékletek összetétele és sírban való elhelyezkedése, valamint a sírgödör kialakítása, az áldozati leletgyűttes a halott feje alatt és további részletek is. Noha a lebjazsinszki temetkezés dél-délkeleti tájolása általában nem jellemző a magyar leletkörre, ahol az eltemetettek nyugati orientációja dominál, a Bolsije Tigan és tankejevukai temetőkben azonban a temetkezések csaknem 10% -a keleti tájolású sírok alkotják, szezonális eltérésekkel (Халикова, 1972. С.148).

A kora középkori települések feltárása során nyert régészeti anyag elemzése lehetővé tette annak megállapítását, hogy a szamarai Volga-régió területe már jóval a 9. század

материала позволил сделать вывод о том, что территория Самарского Поволжья входила в зону традиционных кочевых маршрутов мадыарских племен задолго до IX в.

Отдельные группы кочевого населения мадыарского круга регулярно проникали в Самарское Поволжье не только во время крупных миграций и в периоды экстраординарных природно-климатических изменений, но и во время сезонных перекочевков, начиная с рубежа IV-V вв.

Что касается комплексов IX в., то, в отличие от территории Татарстана и Ульяновского Поволжья, на которой основная масса памятников раннеболгарского времени относится ко второй пол.VIII-IX в., территория Самарского Поволжья к этому времени осваивалась уже не столь активно. Объяснение редкости комплексов IX в. в Самарском Поволжье может быть связано с предположением ряда исследователей о том, что с последней четверти I тыс. н.э. на Средней Волге размещались лишь летние кочевья населения, на зиму уходившего в степные районы Приаралья, Предкавказья и Причерноморья (Кузеев, 1992. С.50-51). Однако, гипотетическое нахождение кочевников Средней Волги на стадии таборного кочевания не объясняет наличия крупных синхронных могильников на территории Прикамья. Скорее, объяснение малочисленности этих комплексов в пограничном характере Самарского Поволжья, находящегося на стыке степной и лесостепной зон. Пограничный характер регион имел и в политическом плане: в IX-X вв. по его территории проходила граница между племенами, находившимися под контролем венгерского союза, а позднее печенегов и населением, подконтрольным Хазарскому каганату, а впоследствии и Волжской Болгарии.

Полученные в результате археологических работ данные дают возможность уточнить юго-западные границы Magna Hungaria. Даже если допустить, что в ходе миграционного движения венгерских групп на Запад в первой половине IX в. регион покинула их основная масса, то оставшиеся после прохода печенегов и отхода их в более южные и западные районы группы мадыар вновь занимают свои родовые территории. Можно предположить, что оставшиеся небольшие кочевые коллективы занимали пастбищные угодья в низовьях и в среднем течении Самары. Возможно, именно эти кочевники были описаны Ибн-Фадланом под именем башкортов.

елótt része volt a magyar törzsek hagyományos nomádizálási útvonalának.

A nomád magyar népesség egyes csoportjai rendszeresen behatoltak a 4-5. század fordulójától kezdve a samarai Volga régióba, nemcsak a nagy vándorlások, illetve a rendkívüli természeti és éghajlati változások idején, hanem a szezonális vándorlások során is.

Ami a 9. század leletegyütteseit illeti, a samarai Volga régióban messze nem számolhatunk olyan aktív korai bolgár megtelepedéssel, mint a tatár földi és az uljanovszki Volga mentén a 8. század második fele - 9. század időszakában. A samarai Volga régió 9. századi leletegyütteseinek ritkaságát számos kutató azzal magyarázta, hogy a Kr. u. 1. évezred utolsó negyedétől kezdve a Középső-Volga térségét csak a nomádok nyári szállásai érintették, míg télre az Aral-tó és a Kaukázus, valamint a Fekete-tenger északi előterének sztyepei régióiba települtek (Кузеев, 1992. С.50-51).

Azonban a Középső-Volga mentén a szállásváltó nomádizálás ötlete nem áll összhangban az egykorú nagy sírszámú temetőkkel a Káma mentén. A leletegyüttesek csekély számának magyarázata inkább a samarai Volga-régió határjellegetében rejlik, amely a sztyepei és az erdői sztyepei zónák találkozásánál helyezkedik el. A régió politikai szempontból is határjellegű volt: a 9-10. században itt futott ugyanis a magyar, majd a besenyő törzsszövetség ellenőrzése alatt álló törzsek, illetve a Kazár Kaganátushoz tartozó népesség, később ennek nyomán a Volgai Bulgária közötti határ.

A régészeti elemzés eredményeként kapott adatok lehetővé teszik, hogy Magna Hungaria délnyugati határait pontosítsuk. Még akkor is, ha feltételezzük, hogy a magyar csoportok nyugati irányú migrációs mozgása során a 9. század első felében a többségük elhagyta a régiót, majd azok, akik a besenyők nyugati elvándorlása és a magyar csoport déli és nyugati régiókba való visszavonulása után helyben maradtak, ismét elfoglalták korábbi területüket. Feltehetően a helyben maradt kis nomád csoportok telepedtek meg a Szamara folyó alsó és középső folyása menti legelőkön. Talán ezeket a nomádokat írta le Ibn Fadlan baskírok néven.

A 10. században a régióban a nomád temetkezések száma meredeken csökkent. Ennek feltehetően az az oka, hogy létrejött egy új állam, Volgai Bulgária, melynek politikája megakadályozta, hogy határainak közvetlen közelében más nomád népcsoportok

В X в. количество кочевнических захоронений в регионе резко сокращается. Возможно, это связано с формированием нового государства – Волжской Болгарии, политика которой препятствовала нахождению в непосредственной близости от границ государства кочевых групп иного населения. В это время территория Самарского Поволжья вновь приобретает характер пограничья: здесь проходила северная граница кочевого мира и южная – оседло-земледельческого.

К XI веку пастбища вдоль Самары, вероятно, переходят под контроль кыпчаков и южные границы венгерского союза отодвигаются к северу.

telepedjenek meg. Ebben az időben a szamarai Volga régió területe ismét határvidék szerepet töltött be: itt haladt át a nomád világ északi határa és letelepült népességű mezőgazdasági világ déli határa. A 11. századra a Szamara folyó menti legelők valószínűleg a nomád kipc sakok ellenőrzése alá kerültek, így a magyar törzsszövetség déli határai északabbra tolódott.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Археологические памятники..., 1996. История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов). Выпуск 6. Археологические памятники Башкортостана. Уфа.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Отв. ред.: Васильева И. Н. Самара, 2006. С. 400–412.
- Багаутдинов Р.С., Васильева И.Н. Курганные группы Золотая Нива I и II // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара, 2004. С. 202–240.
- Багаутдинов Р.С., Никитина А.В. Исследования селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке в 1994 г. (раскоп Г. И. Матвеевой) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Отв. ред.: Богачев А.В. Самара, 2013. С. 164–186.
- Балинт Ч. Погребения с конями у венгров в IX-X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
- Барта А. Истоки венгерской культуры X в. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
- Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., 1996. Средневековые погребения с территории Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара.
- Богачев А.В., Лакоценин Д.В. Новые находки раннесредневековых удил близ 23 км г. Самары // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. № 7. Самара, 2016. С. 17–32.
- Боталов С.Г. Новые аспекты и перспективы в исследовании проблемы «Magna Hungaria» // Вестник Челябинского государственного университета. История 2012:50, 128–146.
- Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Научные труды КГПИ. Том 230. Куйбышев, 1979. С.202-240.
- Вязов Л.А., Нерушин И.А. Исследования поселения хазарского времени у с. Малая Рязань на Самарской Луке в 2007–2009 гг. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 128–146.
- Газимзянов И.Р., Хохлов А.А. Черепа из средневековых захоронений на территории древнего поселения Лебяжинка V // Вопросы археологии Поволжья. Вып.1. Самара, 1999.

- Давидан О.И. Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII-IX вв. // АСГЭ, вып.27. Л., 1986.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-Москва, 2011.
- Иванов В.А. Мадьярский путь на Запад // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов. Самара, 1995.
- Иванов В.А. Урало-Поволжская часть мадьярского пути на запад // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
- Иванов В. А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.
- Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских булгар X-XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии : проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.
- Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X - начала XIII в. Казань-Магадан, 1997.
- Казаков Е.А. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
- Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г. Тарский катакомбный могильник VIII-IX вв. н.э. // Аланы: история и культура. Алапса-III. Владикавказ, 1995.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск первый. Мечи и сабли IX-XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Москва-Ленинград, 1966.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. // САИ, вып.Е1-36. М-Л., 1966.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1971.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Ленинград, 1973.
- Книга Ахмада ибн-Фадлана. Пер. с арабского и примечания В.С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Изд. Дом Марджани, 2016. 560 с.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков: Изд-во. Харьковского гос. университета им. А. М. Горького, 1956. 345 с.
- Комар А.В. Древние мадьяры этелькеза: перспективы исследований // Археология и давня історія України Выпуск 7. Київ, 2011. С.21-78.
- Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт, 2018. 424 с.
- Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военного дело хазарского каганата // Восточно-европейский археологический журнал. №2 (3), 2000.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. По Самаре с археологом. Самара, 2014.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Исследование мусульманского могильника у д. Пролетарий // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Самара: СамВен, 1999. Вып. I. С. 178-200.
- Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадьяри в Середньому Подніпрові. Археологія і давня історія України 7. Гол. ред.: Скорий С. А. Киев 2011. С. 21-78.
- Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
- Лифанов Н. А. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001-2002 гг. // Краеведческие записки 12. Ред.: Кабытов П. С. Самара 2005, 67-80.
- Лифанов Н.А., Седова М.С. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 306-314.
- Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М., 1981.
- Матвеева Г.И. Памятники Кара-Якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Выпуск V. / Отв.ред. Басин С.Г. Куйбышев, 1975.С.13-22.
- Матвеева Г. И. Погребения VIII-IX веков у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья. Ред.: Федоров-Давыдов Г. А. Казань, 1977. С. 52-56.
- Матвеева Г.И. Погребение VIII-IX вв. в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. I. Отв. ред.: Медведев Е.И. Куйбышев, 1976. С. 33-39.
- Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара 1997.

Матвеева Г.И. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003. С. 107–117.

Матвеева Г.И. К вопросу о седентаризации волжских болгар // Материалы конференции: чтения, посвященные столетию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. М., 2005. С. 294–298.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Новые исследования селища Севрюкаево II // Краеведческие записки. Самара, 2005. Выпуск XII. С. 35–58.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтайёжная зоны). Новосибирск, 2000. 400 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М., 1966.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Том I. М., 1954. С. 39–156.

Мерперт Н.Я., Смирнов А.П. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 9–64.

Перепелкин С.Б., Сташенков Д.А. Палимовское погребение // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 199–207.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии А.П.Ковалевского / Под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939. 228 с.

Савин А.М., Семенов А.И. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов. Самара, 1995. С. 74–77.

Сарачева Т.Г. Металлические персти Днепровского Левобережья (конец IX – первая половина XIII в.) // История и эволюция древних вещей. М., 1994.

Святкин С.В. Относительная хронология мордовских боевых топоришков-чеканов VIII–XI вв. // Культуры евразийских степей второй пол. I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Скарбовенко В.А. Погребение кочевника салтовского времени в долине р. Самары // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. Самара: ЗАО «Файн Дизайн», 2001. С. 197–199.

Старостин П.Н. Остатки древнего Болгара у Малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология евразийских степей. Казань, 2007. Том II. С. 140–144.

Сташенков Д.А. Об одной группе раннесредневековых украшений Самаро-Симбирского Поволжья (серьги салтовского типа) // Культуры степей Евразии второй пол. I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1997 а.

Сташенков Д.А. К вопросу об этнических контактах в Среднем Поволжье в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 3. М., 1997 б.

Сташенков Д.А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 118–127.

Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара, 2012. 136 с.

Сташенков Д.А. Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. Отв. ред. Сташенков Д.А. Самара, 2014. С. 82–112.

Сташенков Д.А. Этнокультурная ситуация в Самарском Поволжье накануне прихода Ибн Фадлана // Материалы круглого стола, посвященного книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям. Сборник статей / под ред. Р.С. Хакимова, З.Р. Валеевой, М.Р. Гайнановой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 144 с. С.120-130.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Археологические памятники Самары. Самара, 2012.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Исследование селища Власть Труда I в 2019 году // Археологические открытия в Самарской области 2019 года. Самара, 2020. С.29-30.

Сташенков Д.А., Салугина Н.П. О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам Жигулевского II грунтового могильника) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского (Раннеславянский мир. Выпуск 19). М.: ИА РАН, 2017. 336 с. С.311-325.

Сташенков Д.А., Турецкий М.А. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжника: (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Отв. ред.: Выборнов А. А. Самара, 1999. С. 289–302.

Тюрк А. О вопросе башкирско-венгерских отношений и проблеме «Великой Венгрии» (Magna Hungaria) // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966). Отв. ред.: Горбунов В. С. и др. Уфа, 2007. С. 346–354.

Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-Исторического музея) // Аланы: история и культура. Alanica-III. Владикавказ, 1995.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. Москва, 1972. С. 145–160.

Халикова Е.А. Magna Hungaria. Вопросы истории 1975, №7. С. 37–42.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник. Советская археология 1976, №2. С. 158–178.

Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. Советская археология 1976, №3. С. 141–156.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) // Археология евразийских степей. Выпуск 25. Казань. 2018. 144 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск, 1980.

Эрдели И. Об археологической культуре древних венгров конца IX - первой половины X в. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л., 1979. 164 с.

Chalikowa E.A., Chalikow A.H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). Magyar Nemzeti Múzeum, 1981.

Fettich Nandor. Adatok a honfoglalaskor archaeologiajához // Archaeological Ertesito, 1931.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИА АН РАН – Институт археологии Российской Академии наук

ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР

ИИАП - Институт истории и археологии Поволжья

КГУ – Куйбышевский государственный университет

КГПИ - Куйбышевский государственный педагогический институт

САО - Самарское археологическое общество

СГПИ – Самарский государственный педагогический институт

СГПУ – Самарский государственный педагогический университет

СамГУ - Самарский государственный университет

СГСПУ - Самарский государственный социально-педагогический университет

СОИКМ - Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

СНЦ РАН - Самарский научный центр Российской Академии наук

ПГСГА - Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Előszó	3
Раннее средневековье в Самарском Поволжье	4
Пролетарское городище и проблема датировки многослойных памятников	10
Исходные районы миграции мажарских племен в Поволжье.....	12
Контакты кочевников мажарского круга с представителями других культур	15
Характеристика материалов мажарского круга в Самарском Поволжье	19
Памятники саргатского и бакальского круга	19
Памятники кушнаренковско-караякуповского круга ...	24
Памятники мажарского круга IX-X вв.	27
Погребения у с. Немчанка	29
Погребение на 116 км г. Куйбышева	32
Ромашкинское погребение	44
Погребения на 23-24 км г. Самары	45
Отдельные грунтовые захоронения, расположенные в лесостепной природно-географической зоне в бассейне реки Сок	56
Впускные подкурганые захоронения	65
Погребения № 1 и 2 в одиночном кургане Золотая Нива III	65
Погребения в могильнике Просвет	70
Хрящевское погребение	81
Бобровское погребение	84
Воскресенское погребение	91
Грунтовые погребения на Самарской Луке	94
Жигулевский II грунтовый могильник	96
Случайные находки	100
Поселения	105
Памятники Самарской Луки	106
Памятники Самарского левобережья Волги	107
Селище Власть Труда	111
Заключение	114
Összefoglalás	114
Список сокращений	118
Содержание	119

Сташенков Дмитрий Алексеевич. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. – Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. – 120 с., илл.

Отв. редактор - А.Ф. Кочкина
Рецензент – Л.В. Кузнецова

Верстка и макетирование: Д.А. Сташенков
Дизайн обложки: Л.Ю. Николаева
Фотографии: П.А. Воробьев, Б.А. Агузаров,
В.П. Лаврентьев, Д.А. Сташенков
Перевод на английский язык: И.В. Клугман
Перевод на венгерский язык: Аттила Тюрк

Подписано в печать 25.12.2020 г. Формат 60 x 88 1/8
Объем 15 п.л. Уч. изд. л. 15,6. Тираж 1000 экз.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Заказ № 2186
Отпечатано в типографии АНО «Издательство СНЦ»
443001, Самара, Студенческий переулок, 3а.
тел.: (846) 242-37-07